

СТЕФАН АНЖЕМ

ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ

НАСТОЯЩИЙ ПОДАРОК ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ
СКАНДИНАВСКОГО НУАРА.

PUBLISHERS WEEKLY

18+

Стефан Анхем
Последний гвоздь
Серия «Триллер по-скандинавски»
Серия «Фабиан Риск», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68005574
Последний гвоздь: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-145557-6

Аннотация

Он шел по трупам, чтобы добраться до самой вершины. Он шантажировал и подставлял, не боясь замараться. Его зовут Ким Слейзнер, и он начальник полиции Копенгагена. Комиссар Фабиан Риск готов пойти на все, чтобы его заклятый враг наконец оказался за решеткой. Его бывшая коллега Дуня Хугор ушла в подполье, в отношении ее бывшего босса Слейзнера ведется расследование, но она надеется добраться до него первой. Фабиан Риск поддерживает ее в поисках улик. Но когда высокопоставленный сотрудник датской разведки и неизвестная женщина найдены мертвыми на дне озера недалеко от Копенгагена, кажется, что ловушка сработала и развязка уже близка. Наверняка за этим стоит Слейзнер.

Но все не так просто, и, возможно, в силки попался не тот, кого хотели поймать.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	14
1	16
2	25
3	45
4	51
5	60
6	66
7	74
8	85
9	95
10	106
11	113
12	124
13	133
14	144
15	155
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Стефан Анхем

Последний гвоздь

© Stefan Ahnhem, 2021

© Шаболтас А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

В память о Теодоре Риске

** 25 марта 1996 года*

† 31 июля 2012

Пролог

3 августа 2012 года

Эрика Андерссон всегда недолюбливала воду. С душем проблем не было. Как и с тем, чтобы час-другой провести в ванне с хорошей книгой. Напротив. А вот что она никогда не любила, так это *купаться*. То есть плескаться, плавать или чем еще люди занимаются в воде, когда не греются и не моются.

Дело было не в том, что Эрика не умела плавать, хоть она и не хвасталась всем подряд своим умением. Когда кто-то говорит, что умеет плавать, то обычно предполагается, что человеку не составит труда проплыть двести метров, не сильно наглотавшись воды, а до такого ей было далеко. Тем более на холодной открытой воде, с волнами, медузами и мерзкими рыбами.

Все же она поддалась уговорам и запихнула все свои килограммы в маленький каяк, такой узкий и неустойчивый, что она чудом до сих пор оставалась на плаву. Она буквально сидела в воде. В холодной темной воде, которая бурными волнами будто подступала к ней со всех сторон, перехлестывая через борта.

Миккель утверждал, что на каяке почти невозможно промокнуть. Он на полном серьезе, глядя ей в глаза, уверял, что ей максимум немного забрызгает руки до локтя.

В его словах не было, конечно, ни грамма правды – типично для Миккеля, особенно когда ему в голову приходила блестящая, по его мнению, идея. В последний месяц он только и нудел о том, как было бы прекрасно выбраться и встретить рассвет на каналах Копенгагена, слиться с водой.

Слиться с водой. Боже...

Но чего не сделаешь ради любви. Ведь за Эрикой не стоит очередь из желающих, да и, если честно, Миккель был совсем из другой лиги. Он не только хорош собой, но и успешен: программист с зарплатой, о которой большинство может лишь мечтать.

Единственная трудность заключалась в том, что он датчанин, и ей пришлось покинуть Хельсингборг. Хотя на самом деле это не проблема. По сравнению с ее попытками поставить каяк на ровный киль.

Казалось, он мог перевернуться от малейшей ряби, и у нее уже болели мышцы корпуса. О руках и плечах даже думать не хотелось. Вопрос в том, останутся ли они вообще на своих местах после гребли по сверхамбициозному маршруту Миккеля.

– Ты что, не видишь, как здесь красиво? – прокричал он спереди.

Она кивнула. И правда красиво. Она действительно увидела Копенгаген с совершенно другой стороны. Но наслаждаться видами ей все-таки было непросто. Особенно после того, как они оставили позади спокойный, идиллический ка-

нал Вилдерс и вышли в самую гавань, где было совсем другое движение и, соответственно, другие волны.

Она не понимала, зачем он тащит ее на открытую воду. Но, конечно, теперь он хочет воспользоваться случаем и показать ей все, раз им наконец удалось выбраться куда-то вместе. А может, на самом деле у него совсем другие планы?

Такой ход мыслей ей не нравился, но она, очевидно, не могла его контролировать. Мысли жили своей жизнью и уже раскручивались в полную силу.

В последнее время Миккель стал необычайно раздражительным, и они уже почти месяц не занимались сексом. Сначала она воспринимала это как временный кризис. Но все только усугублялось. Честно говоря, никогда еще их отношения не были настолько плохими как сейчас, в разгар отпуска.

Что, если он от нее устал? Поэтому задумал это все? Поэтому вытащил ее на эту чертову прогулку? Чтобы ей стало до такой степени некомфортно, и она сама прервала отношения. Потому что ему не хватало решимости. Фу, как трусливо!

Да и он к тому же слишком хорош, чтобы их отношения были правдой. Ей так казалось с самого начала. Как странно, что он выбрал именно ее.

Она могла действовать на нервы. И прекрасно это осознавала. Особенно когда вбивала себе что-то в голову. И у нее не получалось переключиться, пока не становилось слишком поздно. Как в тот раз, когда она была твердо уверена, что

он ей изменяет, и при первой возможности прошерстила его компьютер и мобильный, не найдя ничего подозрительного.

Если бы только она смогла успокоиться, то все было бы нормально. Но нет, конечно, она посчитала блестящей идеей два дня спустя устроить за ним слежку, как в старом шпионском кино, чтобы убедиться, действительно ли он отправился на встречу с тем приятелем. И, естественно, она себя выдала, а он, естественно, ужасно обиделся. Нет, даже впал в ярость. Точно как тогда, когда она слишком много расспрашивала о его бывшей девушке, погибшей в автокатастрофе.

– А вот новое здание Оперы! – сказал он и указал в сторону массивного здания.

– Очень красиво, – прокричала она в ответ. – Слушай, может, повернем назад?

– Нет, ты что, не видишь, какая вода – спокойная и умиротворяющая?

– Да, но, может, хватит на сегодня? У меня уже устают руки.

– Ну, вот ты их и потренируешь.

– Но Миккель, я не чувствую себя безопасно. Понимаешь? Мне страшно, и я больше не хочу. Я только хочу на берег.

– Эрика, обещаю тебе. Здесь нечего бояться.

Затем последовала та самая улыбка, от которой Эрика таяла и была готова на что угодно. На ее волю это действовало как криптонит на Супермена, и ей ничего не оставалось,

как, вздохнув, продолжать грести мимо Оперы и дальше, в гавань.

Точно так же он улыбался в тот раз, когда подошел и предложил ей выпить. Они с приятелями отдыхали на вечеринке в Копенгагене, и она сразу так влюбилась, что через две недели уволилась и переехала в датскую столицу.

Она не прислушалась к маминым причитаниям о том, что, наверное, все случилось как-то быстро, и предупреждениям о том, что они едва знакомы. По крайней мере, тогда.

– Доплывем только до Реффена¹ и повернем назад, – крикнул он еще через пару сотен метров, – о'кей?

– Не знаю, хочу ли, – ответила она. – Seriously, Миккель. Он все время норовит перевернуться и...

– Нет, он не перевернется. Тебе нужно просто расслабиться и продолжать грести, спокойно и ритмично.

Почему он не может просто с ней расстаться и попросить съехать, если ему правда так этого хочется? Да, она бы расстроилась и совершенно точно разозлилась. Начала бы кричать и обвинять его во всем подряд. Вероятно, даже разбросала бы вещи вокруг.

Но в конце концов она бы смирилась и вернулась домой в Хельсингборг, даже если и связалась бы с ним еще пару раз, прежде чем окончательно опустить руки. Ничего более страшного не случилось бы, если ему нужно от нее именно избавиться.

¹ Крупнейший рынок уличной еды на полуострове Рефсхалееэн в Копенгагене.

Он просто боится. Другого объяснения нет. Конечно, она – человек с характером, с этим не поспоришь. Но это все ничто по сравнению с его темпераментом.

К тому же некоторые случаи ее не на шутку напугали. Особенно тот раз, когда она грозилась подать на него заявление об изнасиловании, если он не даст ей спать. Тогда он так сильно ударил кулаком в стену всего в нескольких сантиметрах над ее головой, что там образовалась дыра.

Но это в прошлом. В настоящем он перестал проявлять желание.

Озарение, зачем это все затевалось, настигло ее пару минут спустя, когда в нескольких километрах впереди она увидела направлявшийся в порт круизный лайнер. Внезапно она ясно поняла, в чем заключался его план.

Вместе с озарением пришла паника.

– Смотри! – закричал он, в то время как она пыталась найти выход, прочь от этого кошмара. Прочь от него, назад в Швецию. – Белые скульптуры! – Он показал на белоснежные скульптуры, расположенные в ряд вдоль пристани.

Конечно, он заметил, что она его раскусила, и теперь изо всех сил старался ее отвлечь. Действительно скульптуры были очень красивы, во всем своем великолепии взиравшие на воду и бросающие вызов погоде и ветрам. Но она только бегло на них взглянула. Ее внимание было направлено на круизный лайнер.

Скорее всего, далеко он не пойдет, а встанет на якорь у

пристани Лангелиние. Но волны от него разойдутся и по гавани, и хоть она их пока не видела, но была убеждена, что прямо сейчас они направляются к ней.

Она точно перевернется, она чувствовала это всем телом, а в таком случае шансов у нее не останется. И он прекрасно об этом знал. С каким же психопатом она встречается? Неужели вот так он поступал каждый раз, когда от них уставал? Подстраивал все так, чтобы они сгинули при странных обстоятельствах?

Вот почему им нужно было оказаться на более-менее открытой воде с не более чем одним свидетелем поблизости. Все должно выглядеть просто как очередной несчастный случай. Еще один едва умеющий плавать беспечный идиот, который стал цифрой в статистике.

– Помогите! – закричала она и начала грести к берегу. – Помогите!

– Эрика, что ты делаешь?

Не переставая грести, она посмотрела через плечо и впервые увидела волну. Вернее, волны. Она разглядела три штуки – в десятках метров друг от друга. На таком расстоянии они не казались разрушительными, но двигались быстро и приближались с такой скоростью, что та пугала сама по себе.

– Эрика!

Она гребла изо всех сил, но каяк не слушался. Вместо того, чтобы скользить вперед, его упорно поворачивало то вправо, то влево. Черт, черт, черт! Почему только она не по-

слушала свою мать? Почему не замечала знаки, которые сейчас стали такими очевидными? Как она могла быть такой наивной?

А вот и она.

Точно как Эрика и ожидала.

Теперь она почувствовала, какая волна на самом деле большая, когда их притопило вместе с кормой каяка, наклонив вбок, чтобы спустя мгновение поднять на дыбы. Ах, черт, – последнее, что она успела подумать, прежде чем все завертелось.

Она зажмурилась. Будто никакой опасности нет, пока ничего не видишь. Но как бы сильно она сейчас ни жмурилась, она была под водой, темной и холодной, вниз головой, висела в каяке. Она слышала, как можно выбраться, сделав эскимосский переворот², но ей хватило одной попытки, чтобы осознать его невозможность. К тому же у нее застряли колени.

Значит, так все кончится. В подвешенном состоянии вниз головой под водой. Станным образом она была довольно спокойна. Как будто паника, которую она раньше испытывала, отпустила ее. Наверное, потому что она перестала надеяться и в каком-то смысле приняла свою судьбу.

Она не знала, сколько провела под водой, но явно всего секунды, раз ей до сих пор не хотелось вдохнуть. Может, так

² Прием постановки перевернувшегося легкого плавсредства (каяк, байдарка, пакрафт) на ровный киль при помощи рывка бедрами или опоры на весло.

бывает перед концом. Секунды идут медленно и время как будто тянется.

И вот впервые в жизни она открыла под водой глаза. Раньше она никогда не решалась, но сейчас терять уже было нечего. Если она скоро умрет, то почему бы не сделать это с открытыми глазами.

Глазам было совсем не так больно, как она ожидала. Вообще почти ничего не ощущалось. И было не так уж темно. Скорее даже светло. Вокруг все светло-зеленое. Мутное.

Тут ей стало не хватать воздуха. В тот момент, когда она запрокинула голову назад, чтобы посмотреть вниз, и увидела в паре метров внизу наискосок от себя машину, ей захотелось вдохнуть, и вернулась паника.

Задняя часть машины лежала на большом бетонном блоке, в то время как передняя часть свисала в полуметре от морского дна. Стекла были опущены, и на заднем сиденье качалась обнаженная женщина с длинными темными волосами, как в рекламном ролике, если бы не ее раскрытый рот и выпученные глаза.

В это мгновение далеко над ней из-за тучи вышло солнце, видимость улучшилась, и она разглядела мужчину в смокинге с опущенной на руль головой.

Больше она толком ничего не успела рассмотреть – ее вытащило обратно на поверхность. Почти ничего, кроме того, что от затылка у мужчины осталась по большей части дыра с кровавой массой.

Часть 1

3–5 августа 2012 года

Нас много – тех, кто надеется, что в конце концов победит добро, и мы осознаем, что вместе мы сильнее всего. Что несмотря на разный цвет кожи, культуру и религию мы одно целое и сообща сможем победить несправедливость, спасти климат и в перспективе достичь того, чтобы на Земле наступил мир.

Увы, это утопия. Тот мир, который нам знаком, не строится на мечте о счастливом конце. Протянуть руку и помочь слабому – привлекательная мысль. В теории.

На самом деле в мире действуют совсем другие силы. Как только у нас появляется что-то ценное, кто-то другой хочет у нас это отобрать. Когда что-то здорово, что-то другое стремится сделать это больным. Это работает везде: от борьбы клеток в вашем теле до звезд, которые взрываются и превращаются в черные дыры.

Согласно китайским исследователям, деструктивное поведение человека объясняется размером мозга. Говоря по-простому, он достаточно большой, чтобы изобрести атомную бомбу. В то же время он слишком мал, чтобы осознать последствия этого.

Другая теория говорит, что не добро в целом является гарантией существования и выживания. Не оно отвечает за

естественный отбор, постоянное развитие и совершенствование, что, в свою очередь, позволяют льву выжить в саванне, а дереву вытянуться еще чуть выше к солнцу.

Другими словами, не добру мы обязаны тем, что прошли путь от планктона к рыбам и дальше до человека.

А злу.

Это его нам нужно за все благодарить.

Зло в его абсолютной форме.

Старый, ветхий кирпичный дом на западном берегу озера Санкт Йоргенс в самом центре Копенгагена был полон парадоксов. С одной стороны, он был настолько непримечателен, что мало кто из жителей Копенгагена, когда-либо прогуливавшихся вокруг озер, вообще его замечал. С другой стороны, несмотря на скромные размеры, его выделяло своеобразное величие и стремление привлечь внимание.

В частности, выделялся он выкрашенным в черный, смотрящим на юг фасадом, с барельефом в виде большой белой пешки. И железной крышей, которую по углам тоже украшали черные пешки. Никто не знал, почему и что это значит. В доме никогда не существовало никакого шахматного клуба. Да и никто сильно заинтересованный в шахматах им не владел. Возможно, пешки символизировали, что даже самый слабый вопреки всему может стать достаточно сильным, чтобы однажды превратиться в ферзя.

Внутреннее убранство дома тоже производило противоречивое впечатление. Помимо пары ниш, ванной комнаты и кухоньки, он состоял из одной комнаты. Комната эта, благодаря белому деревянному полу, открытой светлой планировке, чрезмерно высокому потолку и большим витринным окнам, в свои самые удачные моменты могла показаться крупнейшей самого здания.

Но уже месяц, как она вызывала скорее клаустрофобию – набитая таким количеством электрического оборудования, комната больше напоминала студию электронной музыки, втиснутую в кабину самолета, чем просторное ателье.

Вдоль всей передней стены, под окном с мелкой расстекловкой на потолке, вплотную стояли рабочие столы, заставленные компьютерами, мониторами, несчетным количеством рэковых стоек с мигающими светодиодами и электроплатами, соединенными с другими приборами тонкими разноцветными проводами.

Стены по бокам были завешаны большими белыми досками. На одной из них крупные буквы гласили: «Ким Слейзнер». Под ними висели фотографии, все сделаны издали, на всех увеличенное изображение мужчины – как он направляется в полицейское управление в Копенгагене и покидает его, как стоит и разговаривает по мобильному или сидит в машине, ожидая зеленого света.

На другой доске располагались разные диаграммы в виде столбиков и линий, а еще множество помеченных буквами телефонных номеров с указанием времени. Рядом к большой карте Копенгагена были прикреплены разные флажки, также помеченные буквами.

Для непосвященного все это наверняка выглядело как сплошной хаос. Но там была система, структура того, как пользоваться всеми пометками со стрелками, сокращениями и символами, и как для достижения наилучшего охвата и

контроля должны быть расположены и подсоединены электронные устройства.

Как всегда, в такое раннее время суток здесь царило своего рода контролируемое спокойствие. Будто все вместе образовывало один большой спящий организм с таким редким пульсом в покое, что его едва можно было зафиксировать. Безусловно, многие из сотен диодов мигали, но в довольно неспешном ритме. Они медленно увеличивали и уменьшали силу свечения, как будто находились в какой-то электрической медитации, где вместе с экранными заставками они погружались в сны, один фантастичнее другого.

Все пребывало в режиме ожидания, готовое к тому, что может случиться все что угодно.

Что угодно, когда угодно.

В том же помещении, в нескольких метрах над горой перевернутых деревянных стульев, вися на стальной трубе, которая держалась на потолочных балках, медленно, на одной руке, подтягивалась Дуня Хугор. Загонять себя только ради того, чтобы поставить галочку, – бессмысленно. Тут важна выносливость. Без нее она бы сдалась и отказалась от проекта еще давно. Тогда ей бы пришлось уговорить себя, что, может, и нет тут ничего, что стоит критиковать и разоблачать, чтобы отправить под суд Кима Слейзнера, начальника полиции Копенгагена.

Но ничто не могло заставить ее сдаться. Не только потому что он был полной противоположностью тому, кем должен

быть высокопоставленный полицейский. И не потому что он долгие годы препятствовал ее работе в качестве следователя, плевать, что это стоило жизни невинным людям. Внутри у Дуни горел огонь, не потому что он засовывал в нее свои грязные жирные пальцы, пытался изнасиловать, а потом выставил на улицу. Толкало ее вперед все то, что они пока не обнаружили. Все то, в существовании чего она уверена – оставалось только найти это и вытащить на свет.

Подтянувшись так, чтобы подбородок оказался над трубой, она начала медленно, насколько позволяла выбрасываемая в мышцы молочная кислота, опускаться. Было больно, но этого она и добивалась. Проходила весь путь до пика боли, когда девяносто восемь процентов ее существа хотели отпустить хватку, а оставшиеся два процента держались за мысль, что падение с трех метров прямо на перевернутые стулья будет гораздо болезненнее.

Она перехватила трубу другой рукой и снова начала подтягиваться с минимально возможной скоростью. Ей пришлось выполнить четыре медленных подтягивания, прежде чем завершить свою двухчасовую тренировку.

Она была сильнее, чем когда-либо. Вдобавок с прошлой весны она каждый день проводила две длинные силовые тренировки и часовую йогу. Всего за пару месяцев ее тело изменилось так, как она и представить не могла. Она набрала вес, но в то же время стала стройнее. Но в первую очередь она стала выносливее. Она точно знала, где проходит грани-

ца того, что может выдержать ее тело, и каждый день сдвигала ее еще немного.

Изначально тренировки были необходимым злом. Чтобы иметь какие-то шансы против Слейзнера, ей нужно быть и сильнее, и быстрее его. Один из пунктов она, вероятно, уже выполнила, если опираться на сделанные ими снимки Слейзнера. По ним четко видно, как он, увлеченный охотой за ней, забросил собственное здоровье.

Теперь он возобновил занятия йогой по утрам, но в любом случае он был точно не тем человеком, которого стоило недооценивать. По этой причине она смирилась с тем, что тренировки превратились в нечто для нее необходимое, чтобы не лезть на стены от ломки.

Другое дело – сама слежка. С ней пока был полный провал. Им не удалось найти ничего представляющего интерес. Ничего достаточно однозначного, чтобы раз и навсегда его потопить.

И все-таки последние недели он находился под более-менее постоянным наблюдением. Они прослушивали все его разговоры. Прочитали и проанализировали все отправленные им и принятые СМС и мейлы. Они детально изучили его финансовые дела, а с помощью GPS-датчика у него в мобильном зафиксировали карту его перемещений, так что за редким исключением могли до мельчайших подробностей узнать, что он делал, где и, прежде всего, когда. Кроме того, часто они с высокой точностью могли предсказать все три

составляющие еще до самого события.

Другими словами, старый подонок был у них как на ладони, и ее поражало, насколько однообразно и скучно он жил. Самое интересное, что он регулярно посещал Йенни Нильсен, вернее Йенни Мокрую Киску Нильсен, как она себя называла, по адресу Нейсомхедсвей, 4.

С этой же проституткой он встречался у себя на заднем сиденье автомобиля три года назад около улицы Лилле Истедгаде. В тот раз вышел небольшой скандал, когда об этом пронюхали журналисты. Тем более оказалось, что это происходило в рабочее время, из-за чего он пропустил важный звонок из шведской полиции в Хельсингборге.

По собственной инициативе, полностью независимо от нее Фарид Черукури слил информацию таблоиду «Экстра бладет», который в свою очередь запустил кампанию, где в последующие недели Слейзнера полоскали и унижали в прайм-тайм и фактически во всех газетах. Помимо прочего это привело к тому, что от него ушла жена, а сам комиссар национальной полиции Хенрик Хаммерстен приказал ему взять перерыв.

Не нужно быть Эйнштейном, чтобы понять, как унизительно это было для такого жадного до внимания петуха как Слейзнер, и по какой-то причине он решил во всем обвинить именно ее, и с тех пор делал все, что в его власти, чтобы ее уничтожить.

А власть его только росла, с того времени как он чудесным

образом сумел пробраться обратно на теплое местечко, где теперь, пару лет спустя, имел лояльных друзей из фактически всей элиты Дании. Он во всех смыслах совершил невероятное возвращение, и как ему это удалось, по-прежнему оставалось для нее большой загадкой.

Тот факт, что вне работы он посещал выдающую виды проститутку, не являлся, однако, ничем скандальным, удивительным или запрещенным в этой стране. Возможно, жалким и низким, но этого было совершенно недостаточно, чтобы с ним расквитаться. Скорее в глазах многих это делало его более человечным.

Если честно, она ожидала чего-то совсем иного масштаба – более вызывающего и декадентского. Чего-то вроде двойной жизни с одной ногой в полиции, а с другой в... И вот в этом-то и заключалась основная проблема. Она ничего не знала. Единственное, что у нее было – четкое ощущение, что где-то что-то не так. Что несмотря на все затраченные силы и время, не говоря уже о купленной технике, они едва сумели поскрести поверхность.

Однако она не сомневалась в том, что Ким Слейзнер был абсолютным злом до мозга костей. Не важно, сколько бы он ни выкручивался и ни пытался разыгрывать из себя достойного полицейского. Она смотрела сквозь облагороженный фасад и в полной мере осознавала, что это была лишь актерская игра.

Поэтому им ничего не оставалось, как продолжать поис-

ки, пока они не выйдут на след. Продолжать прослушку, наблюдение и анализ каждого малейшего его шага. Ведь где-то там есть целый шкаф такого, что не проживет и секунды при свете дня.

Но надо спешить. Слейзнер даром времени не теряет. Все часы бодрствования он тратил на то, чтобы усилить оборону и стать настолько сильным, чтобы в конце концов ни один скандал в мире не смог бы его сломить, и, судя по всему, был близок к успеху.

Она снова подтянулась, пересилив кричащую в мышцах боль, — она не знала, что происходит в паре метров внизу.

Это началось несколько минут назад со светодиода на одном из патч-модулей. Его мигание внезапно поменялось. Не сильно, но достаточно, чтобы его можно было отличить от остальных. Прерывистое и нерегулярное. Как будто размеренный сон кончился, и он вдруг понял, что проспал.

И словно заразный вирус, беспокойное мигание вскоре распространилось на еще пятьдесят диодов, а вскоре проснулись и многие мониторы, выключилась заставка, заработали программы с линиями звуковых волн, регулировкой громкости и временными отрезками и начали вести запись.

На одном из мониторов появилось изображение, на котором над незастеленной двуспальной кроватью висит громоздкая люстра. На краю кровати сидел голый Ким Слейзнер с зарождающейся на макушке лысиной и потягивался.

Из динамика около монитора было слышно, как он зевнул,

хрустнул шей и позвоночником, а затем встал и исчез из виду.

Дуня среагировала на звук, качнулась вперед и приземлилась на четвереньки рядом с горой стульев. Направляясь к мониторам, она взглянула на наручные часы и отметила, что они показывали всего десять минут шестого утра.

За все время слежки Слейзнер никогда не вставал так рано, а значит, наконец случилось нечто неординарное.

Издали болтающийся в воздухе белый «Мерседес», который вот-вот опустится на бетонную пристань, выглядел практически новым. Как будто его только что доставили с завода и он готов покорять дороги. Но вытекающая из окон с опущенными стеклами вода и клещи, сжимавшие капот, а также силуэты двух тел выдавали совсем другое.

Ян Хеск был тем, кого это зрелище обрадовало, когда он выехал на гравийную дорогу вдоль пристани в районе Рефсхалееэн и припарковался на безопасном расстоянии от кра-на.

Часы показывали немилосердную рань, а ему пришлось прервать отпуск, как раз когда они с семьей паковали вещи для путешествия на машине в Ютландию и, к большой радости детей, в парк развлечений Леголенд. Они никогда там не были, и вот наконец это должно было случиться, поэтому он прекрасно понимал их разочарование. Хуже оказалось с Лоне, которая завелась не на шутку и устроила громкий скандал прямо на выезде из дома.

Ему же удалось сохранить спокойствие и подыграть им в их разочаровании, возложив вину на обстоятельства и ни словом не обмолвившись о том, что в глубине души он только и ждал окончания отпуска.

Еще на первой неделе, когда он отвечал за домашнее хо-

зйство, пока Лоне проводила инвентаризацию детских товаров без пластика, у него чесались руки вернуться в управление и снова приступить к работе. Но он держал это при себе, в то время как продолжал мастерить шалаш, жарить блины и кататься на велике в парке Амагер Странд-парк, когда дома Беньямину становилось невмоготу.

Теперь он наконец вернулся, да еще и в совершенно новом качестве. Об этой позиции он мечтал с первых дней работы в отделе криминальной полиции. Причиной послужила террористическая атака в парке аттракционов Тиволи месяц назад. После нее изменилось почти все. Внешнему наблюдателю все это виделось огромной трагедией, и все близкие жертв по понятным причинам пребывали в таком мраке, который он не мог себе представить.

В его случае события, напротив, стали поворотным моментом. Никогда он не переживал такого – ни до, ни после. Внезапно он заработал уважение своего шефа, Кима Слейзнера, который раньше относился к нему как к собаке, которую можно только ко всему понукать.

Слейзнер так впечатлился его подходом и действиями в разгар кризиса, что не только повысил ему зарплату и предоставил отдельный кабинет – прежде всего, у него появилось больше ответственности. Наконец у него появилась возможность собрать и возглавить собственную команду.

Криминалист Торбен Хеммер уже прибыл и вовсю выгружал сумки с оборудованием из фургона, хотя машинист кра-

на еще не успел ослабить ремни на капающей машине.

Пока они с Хеммером только однажды разговаривали по телефону, но он уже был убежден, что новый криминалист – ценное приобретение. Они как раз нуждались в этой концентрированной энергии, которую он излучал, когда разбирал оборудование и подготавливал его для осмотра. Он приехал сюда работать, а не болтать или пить кофе.

А вот в Юли Берн сторфф он не был так уверен. Он не мог сформулировать почему. Может, она была просто слишком красива, когда вышла ему навстречу с близкими к неестественным аккуратными чертами, темными выющимися, как в рекламе, волосами и длинными ногами.

Она выглядела как человек, работающий в индустрии моды или в другой подобной сфере, а не здесь, где, чуть оступившись на высоких каблуках, рисковала упасть и травмироваться. То, что, к тому же, именно Слейзнер изначально нанял ее и предложил ему включить ее в команду, не упрощало ситуацию.

– Здравствуйте, Юли Берн сторфф, – представилась она, одной рукой заправляя волосы за ухо и протягивая вперед другую. – Это я, кто...

– Я знаю, – прервал он, кивая. – Мы уже встречались.

– Ах да, помню, – сказала она, и глаза у нее забегали, что выдавало очевидную ложь.

– Прошлой весной, когда вы проходили собеседование у Кима Слейзнера, – помог он ей. – Мы встретились в кори-

доре, но тогда вы наверняка думали о чем-то другом. – По крайней мере он собирался дать ей шанс, прежде чем закрепится на своей позиции и найдет другого работника.

– Точно, вы правы. – Ее лицо осветила улыбка.

– В любом случае, добро пожаловать в команду! – Он коротко пожал ей руку и направился к «Мерседесу». Она может быть сколько угодно красивой – у него в команде это не дает никаких преимуществ.

– Извините, но я бы хотела кое-что...

– Вероятно, это может подождать до того момента, как мы разберемся с самым срочным, – перебил он, не останавливаясь.

– Не знаю, дело в том, что...

Он остановился и повернулся к ней.

– Послушайте, Юли. Я человек прямой. Единственное, что я требую, чтобы все делали свое дело, а когда речь идет о вас, как я понял, полном новичке, то для начала ваше дело – держаться на заднем плане. Слушать и запоминать, не привлекая внимания.

Он натянуто ей улыбнулся и пошел дальше.

Чего ему совсем не хотелось, так это быть как Слейзнер, невыносимым начальником, которому все улыбаются и заискивают, а в душе ненавидят больше всего на свете. Но прямо сейчас нет времени на разговоры с коллегами, разрешения на отпуск и все то, что тоже входило в его обязанности. Прямо сейчас на первом месте – расследование с двумя вылов-

ленными в гавани телами.

На данный момент, по тому немногому, что он знал, дело не выглядело каким-то особенно сложным. Он считал это большим преимуществом. Они только выиграют, если как можно быстрее и эффективнее его раскроют и продемонстрируют себе, а прежде всего Слейзнеру, что полностью готовы брать на себя ответственность. Что являлось необходимым этапом для получения в дальнейшем более сложных дел.

– Здравствуйте, Торбен! – протянул он руку Хеммеру, который как раз застегивал закрывающий все тело защитный комбинезон. – Вижу, вы уже приступили к работе, хотел просто поприветствовать вас в команде.

– Спасибо, но нет, спасибо. – Хеммер кивнул на его протянутую руку. – Не знаю, где вы с ней бывали, а уж чего мне не хочется, так это загрязнений в разгар осмотра места происшествия.

– Без вопросов, – кивнул Хеск, поднимая обе руки в воздух. – Но можете быть спокойны. Они так проспиртованы, что на них бы сработал датчик при проверке на дорогах. – Он рассмеялся. – Ну, по количеству промилле.

– Понятно, но, может, поговорим чуть позже, когда у нас не будет двух разлагающихся тел, которые, кстати, вон те ребята хотят забрать поскорее. – Хеммер кивнул на приближающуюся к ним скорую.

– Конечно, конечно, – Хеск отступил на шаг назад и по-

чувствовал, как по телу прошла волна ненависти к себе. – Делайте то, что необходимо. Поэтому мы здесь. Я пока поговорю со свидетелями.

Он огляделся.

– Но где они? – Он повернулся к Берн сторфф. – Их разве не двое должно быть? Мужчина и женщина.

– Да, верно. – Берн сторфф кивнула. – Об этом я и хотела сообщить ранее. Я уже поговорила с ними.

– О'кей, то есть вы провели допрос по собственной инициативе, не посоветовавшись, и даже меня не проинформировав?

Бернсторфф кивнула.

– Я приехала первой, а они очень замерзли и находились в шоке. Особенно женщина, которая была на грани срыва, так что я оценила, что ей нужна помощь и скорейшая госпитализация с седативными препаратами.

– О'кей. – Он кивнул и наконец почувствовал себя увереннее, теперь, когда внимание сместилось с неловкого разговора с Хеммером. – Но в следующий раз я бы попросил вас сначала связаться со мной.

– Я так и сделала. Пыталась дозвониться.

– Ах вот как.

– Да, но вы не отвечали.

Наверное, она звонила в разгар скандала с Лоне около дома. Черт возьми!

– Хорошо, ну, давайте к делу. Выяснили что-то достойное

внимания?

– Ничего особенного кроме того, что мужчина пригласил свою девушку на раннюю прогулку на каяке, где она перевернулась как раз здесь из-за волн от круизного лайнера.

Хеск кивнул. Похоже, она права. Тут и правда больше ничего интересного.

– Да, ничего особенного. Надеюсь, вы не забыли взять их контактные данные.

– Нет, конечно. Я отправила вам по мейлу все данные вместе с конспектом допроса.

Значит, и это она уже успела. Ничего не скажешь, впечатляет.

– Отлично! – сказал он, пытаясь начать заново, когда дверь машины за ними закрылась. Он обернулся и увидел идущего типичной для него скованной и слегка нервной походкой Мортена Хейнесена.

Хейнесен был без сомнения тем коллегой, с которым он больше всех работал за годы в полиции. К тому же он был одним из немногих, кому он по ощущениям мог полностью доверять. Хейнесен не сплетничал за спиной и не вел какую-то тайную игру, чтобы подняться по карьерной лестнице. Единственное, что его заботило, это четко следовать всем правилам и выполнять работу как можно лучше.

И все-таки в нем всегда было что-то нервное. Будто над ним всю жизнь издевались и теперь ему нужно быть готовым в любой момент получить оплеуху. Из-за этого он незаслу-

женно получил репутацию одного из самых недалеких, хотя в реальности он просто боялся конфликтов и предпочитал держать свое мнение при себе, чем рисковать столкновением с кем-либо.

– Доброе утро, Мортен! – сказал Хеск с улыбкой, радуясь, что кто-то прибыл на место еще позже. – А тут у нас кое-кто, кому точно был необходим живительный сон.

– На самом деле он приехал сразу после меня, – заметила Берн сторфф.

– Да? Но как получилось, что...

– Я только что отвез свидетелей в больницу, – сказал Хейнесен.

– А, вот оно что! – Хеску захотелось провалиться сквозь землю. Утро началось хуже некуда. Он, кто никогда не умел шутить, дважды попробовал быть забавным, и оба раза закончились катастрофой. Чем он вообще занят? – Прости, я подумал, что ты тоже опоздал, как и я.

– Ничего страшного, – сказал Хейнесен, улыбнувшись. – Как дела тут? Нашли что-то интересное?

– Не знаю, – ответил он, надевая перчатки. – Хотел дать Торбену возможность спокойно начать работу. Но давай сходим туда и посмотрим.

Хейнесен кивнул и вместе с Берн сторфф они подошли к машине, у которой, наклонившись над поднятым капотом, стоял Хеммер и делал снимки.

Хеск в свою очередь обошел машину, открыл правую зад-

нюю дверь и посмотрел на обнаженную женщину, лежавшую на спине на откинutom сиденье. Наконец к нему снова началось возвращаться спокойствие. Вот чем он должен заниматься. Концентрироваться на расследовании. Именно в этом он хорошо разбирается и чувствует себя уверенно. Лидерство придет со временем.

Женщина оказалась моложе, чем он думал. Возраст было определить сложно. Этнически она не была датчанкой, и ее гладкая золотистая кожа могла принадлежать как пятнадцатилетней, так и двадцатипятилетней. Если не тридцатилетней. В любом случае имело место удушение. На это указывали темно-синие пятна вокруг шеи.

Как человек с опытом, он знал, что практически любое расследование нужно начинать с самого очевидного. Что в 9,9 случая из 10 нет причин все усложнять и запутывать без необходимости. На самом деле реальность не похожа на кино, где сценарист из кожи вон лезет, придумывая один невероятный поворот за другим исключительно ради развлечения.

Конечно, бывают и исключения, подтверждающие правило. Как в случае с делами, которые за последние годы доставались тому Фабиану Риску с коллегами на шведской стороне пролива. Но в более широкой картине они представляли лишь отклонение в графике.

В реальности большинство мест преступления выглядели точно так, как и совершались. Крайне редко убийству пред-

шествовал продуманный план или план в принципе, а когда трагедия уже случилась, исполнитель почти никогда не тратил время на замечание следов. В тех редких случаях, когда он все-таки это делал, чаще всего он оставлял новые, которые было еще проще расшифровать.

Он повернулся к Хеску, когда тот, раздвинув женщине ноги, делал серию снимков. Сам он ощущал себя всегда немного грязным, когда видел мертвую женщину с оголенными половыми органами. Хеммер, напротив, на вид не особо размышлял об этом, а наклонился еще ближе и продолжил заполнять карту памяти фотоаппарата.

– Доброе утро, доброе, как у вас тут дела?

Хеск выглянул над крышей автомобиля и увидел идущую в компании двух работников скорой женщину с короткими рыжими волосами, в белом медицинском халате.

– Меня зовут Трин Блад, я из отделения судмедэкспертизы, – продолжила она и подняла руку в знак коллективного приветствия.

– Так вы временно замещаете Оскара Педерсена? – спросил Хейнесен.

– Нет, скорее я его новая коллега. Я бы передала от него привет, если бы он знал, что мы будем здесь. Но что скажете? Не против, если мы займемся телами?

– Чуть позже, – ответил Хеск. – Дайте нам пару минут.

– О'кей. Пара минут меня устроит. Но будьте добры, не дольше. Понимаете, так как они находились в воде, каждая

минута на счету.

Он мог бы засыпать ее едкими комментариями о том, кто отвечает за расследование. Но не собирался так низко опускаться. Он был выше этого, так что пусть эта маленькая лекция растворится в утреннем бризе. Он открыл переднюю дверь и увидел склонившегося вперед одетого в смокинг, белую рубашку и бабочку мужчину. Голова опущена на руль, с которого, как сдутый шарик, свисает подушка безопасности.

Кровавая дыра на затылке мужчины была велика, из-за чего Хеск поймал себя на мысли, что забыл, что на самом деле смотрит на человека. Но именно так оно и было, и кто угодно пришел бы к выводу, что темные пятна на шее женщины с высокой долей вероятности – следы рук мужчины. В целом Хеск уже видел достаточно, чтобы вся сцена стала для него очевидной.

– Ну, на первый взгляд все, в общем, понятно, что думаешь? – Он повернулся к Хейнесену, который кивнул, пожимая плечами.

– Да, все в целом говорит о том, что он перегнул палку и случайно задушил женщину, а потом совершил самоубийство.

– В точности мои мысли.

– Вопрос в том, занимались ли они в машине сексом.

Хеск пожал плечами.

– Ее одежды, насколько я вижу, здесь нет, так что предположу, что они были либо у него, либо у нее дома, как вари-

ант – в каком-то неизвестном отеле.

– Другими словами, где угодно, – сказала Берн сторфф.

Хеск повернулся к ней, собираясь напомнить, чтобы она держалась в тени, пока ее не спросят. Но сумел удержаться и вместо этого улыбнулся.

– Нуу, не совсем. Я хотел сказать, что у него должна была быть возможность незаметно ее вынести и погрузить в машину. Она ведь не завернута в черный пакет или в ковер. Кстати, нам удалось обнаружить оружие?

Он повернулся к Хеммеру, приступившему к сбору образцов волос, остатков крови и мозгов со стен машины.

– Оно лежало внизу, у педалей.

– А где оно сейчас?

– На столе у тебя за спиной.

Хеск повернулся к разложенному походному столу, где находились пакеты с уликами. Он поднял один из пакетов и увидел пистолет – полуавтоматический CZ 75. Распространенная модель, производилась в Чехии и использовалась по всему миру.

– Юли, пробейте DK556919B.

Берн сторфф кивнула и отошла в сторону с телефоном.

Если не считать ляпов в начале, то все на самом деле шло гладко, как он и надеялся. Если так пойдет и дальше, то может они управятся за пару дней, и в итоге Леголенд станет для семьи приятным сюрпризом.

Единственное, что беспокоило – это вон тот рыболов, сто-

явший в тридцати метрах от них, за оцеплением, и то и дело забрасывавший удочку. Хеск точно не мог объяснить, в чем дело, но что-то заставило его взять у Хеммера камеру, увеличить изображение зумом и сделать с десятков снимков мускулистого мужчины, одетого в рыболовный жилет с множеством карманов и шляпу с пришитыми завязками.

– Торбен, – услышал он голос Хейнесена за спиной. – У вас есть представление о том, сколько машина могла там пролежать?

– Максимум пару суток, – ответил Хеммер. – Если хотите более точную оценку, то подождите, пока я изучу электронику автомобиля.

Стоявший на пристани рыбак сам по себе не был необычным зрелищем. Особенно в такие ранние часы. Но в объектив Хеск отчетливо видел, что этот мужчина не знал, как держать удочку, а тем более как ее забрасывать. Это, конечно, могло ничего не значить. Все бывает в первый раз.

Он отдал камеру Хеммеру и обратился к Трин Блад.

– О'кей, тела в вашем распоряжении.

При самом хорошем раскладе она сможет найти доказательства того, что они уже знали. Тогда останется лишь установить личности, а с этим проблем быть не должно.

– Прошу прощения, но у меня есть еще кое-что, – сказал Хейнесен, по обыкновению поднимая палец вверх. – Скорее всего, это не так уж и важно, но просто чтобы быть...

– Ничего страшного, – ответил Хеск. – Только давай

вкратце, чтобы судмедэксперты приступили к работе.

— Как я уже сказал, ничего такого важного. Но я думаю о том сценарии, который мы обсуждали.

— Да, что такое?

Хейнесен сглотнул.

— Я не уверен в том, что все сходится. Особенно тот момент, что он совершил самоубийство. Вернее, то, как он его совершил.

— Он сунул в рот дуло и спустил курок. — Хеск дернул плечами. — Что в этом такого удивительного?

— Ничего. Удивительно то, что он должен был это сделать, одновременно падая с пристани, что, как мне кажется, не самый простой маневр. К тому же все это представляется немного избыточным.

Хеск хотел было что-то сказать, скорее для того, чтобы двигаться дальше. Но в словах Хейнесена действительно что-то было. Все это и правда немного удивительно.

— Не может ли это быть комбинацией и того, и другого? — наконец сказал он. — С одной стороны, он хотел умереть как можно быстрее и безболезненнее, с другой, просто-напросто хотел исчезнуть и в лучшем случае никогда не быть найденным.

— Может. — Хейнесен кивнул. — Наверняка ты прав. Конечно, так оно и есть.

Это была всего лишь теория, которую он из себя исторг. Необязательно ей быть плохой или неподходящей. И все же

Хейнесен сейчас стоял и кивал, хотя явно был не согласен. Все всегда так делали, когда за расследование отвечал Слейзнер.

– Но ты так не думаешь, верно? – спросил Хеск.

– Почему же, вполне вероятно могло быть так, как ты и говоришь. Абсолютно.

– Мортен. – Хеск обошел машину и подошел к нему. – Сейчас меня интересует только то, что ты думаешь. Плевать на то, что по-твоему я ожидаю услышать.

– Что-то не сходится.

Это он хотел услышать меньше всего.

Не такая картина рисовалась ему. Дело, которое едва успело набрать скорость, затормозило и пошло в обратном направлении. Ему хотелось расквитаться с этим быстрее, чем ожидал Слейзнер. Показать всем, что единственная проблема с его повышением – в том, что с ним слишком долго тянули.

Но Хейнесен был прав. Что-то портило весь сценарий. А больше всего он не хотел ошибиться. Умудриться пропустить ту самую мелкую деталь, которая позднее оказалась бы ключом к раскрытию.

Он обратился к Хеммеру.

– Что скажете, Торбен? По шкале. Насколько странно, что он застрелился и одновременно вылетел в воду?

– Я бы сказал, что это в принципе возможно. Например, он мог сначала приземлиться в воду, и только потом застре-

литься. Все-таки машина быстро набирает воду и тонет.

– Там же еще все стекла были опущены, – заметил Хейнесен.

– Да, но все равно нужно минимум двадцать секунд, а ему хватило бы и не больше одной.

– Но? – спросил Хеск, выжидая.

Хеммер посмотрел ему в глаза.

– В принципе возможно – не то же самое, что вероятно.

– Так вы думаете, дело обстояло по-другому?

– Не важно, что я думаю. Значение имеет только то, что я вижу, и мало что указывает на то, что он застрелился здесь, в машине.

– А много ли указывает на противоположное?

– Довольно много. Самое очевидное – здесь нет ни пули, ни следов от нее.

– Но опять же, стекла ведь были опущены. Не могла ли она выскочить где-то наружу и оказаться на дне?

– Вряд ли. Возможно, через какое-нибудь из задних окон. Но в таком случае она бы пробила подголовник, а там нет никаких следов.

– А почему не через переднее?

– Слишком большой и неудобный угол. Зачем поворачиваться на девяносто градусов за секунду до нажатия на курок?

– Я вам, конечно, верю, – сказал Хейнесен. – Но наверняка машину сильно наклоняло в разные стороны, пока она

заполнялась водой.

– Да, правда. – Хеммер кивнул, потирая мочку уха. – На самом деле, вы правы.

– В любом случае нам нужно вызвать водолаза и обследовать дно, – сказал Хеск.

– Но еще ситуация с кровью. Кроме небольших образцов с внутренней стороны стен, в общем-то, больше ничего и нет. Даже наверху, на крыше, где кровь, конечно, должна быть, если он не лежал на спине, когда стрелял. – Хеммер наклонился и показал на крышу. – Видите? Совершенно чисто.

– Но погодите-ка, – Хеск снова почувствовал возвращение головной боли, которая последний раз посещала его утром во время ссоры. – Машина ведь была заполнена водой. Не так уж удивительно, если содержимое головы и все остальное частично смылось в некоторых местах, а где-то и полностью?

– По большей части вы правы. Но не наверху, под крышей. Там на самом деле был большой пузырь воздуха, вытеснивший всю воду. Вот, смотрите сами.

Хеммер показал на извилистую границу влаги, которая образовывала большой круг на мягкой внутренней стороне крыши.

Хеск кивнул, не сумев сдержать глубокий вздох.

– О'кей, но как ни крути, здесь есть явные следы крови, что, по-моему, достаточно серьезное доказательство того, что он застрелился именно в машине. Альтернативный

вариант: он умер совсем в другом месте, после чего некое третье лицо должно было поместить его за руль. Это лицо к тому же должно было собрать кровь и мозги на первоначальном месте, не спрашивайте меня, как, чтобы потом в меру сил и возможностей распределить это по автомобилю. Затем оно устроило все так, чтобы машина выехала за пределы пристани, само в ней не находясь. – Он развел руками. – Ну, вы сами все понимаете.

– Этот последний этап с машиной на самом деле не так уж сложен. – сказал Хейнесен, в фирменном стиле подняв палец вверх, – Нужно просто стоять прямо у водительской двери и просунуть в окно с опущенным стеклом палку или зонтик и нажать на газ.

– Возможно. Но если вы спросите меня, то это не прокатит даже для плохой серии «Убийств в Мидсомере».

– Тут я, кстати, склонен с вами согласиться, – сказал Хеммер, рассмеявшись. – И у меня еще много работы. Кто знает? Может, найду что-то указывающее совершенно в другом направлении.

Разрозненные предположения и вопросы без ответов. Следы и зацепки, которые друг другу противоречат, вместо того чтобы указывать в одну и ту же сторону. Если все так будет продолжаться, то мигрень скоро наберет полную силу.

– Да, я слушаю, – сказала Берн сторфф по телефону, направляясь обратно к ним.

Хеск обернулся и понял, что совершенно забыл об ее при-

сутствии.

– Верно. DK556919B, – продолжала она. – О’кей, спасибо! – Она закончила разговор и повернулась к остальным. – У нас есть имя того, на кого зарегистрировано оружие.

– Отлично! Хотя бы какая-то определенность. Говорите. – Она еще не успела ответить, а он уже заметил по ней, что тут было не просто имя, а когда услышал слова «Могенс Клинге», исчезло то небольшое, что у него оставалось от уверенности в себе. – Вы же не хотите сказать, что это тот Могенс Клинге? – решился спросить Хеск, хотя и он, и мигрень понимали, что именно это она и хотела сказать.

– Не знаю. А сколько их?

– Но подождите. – Хейнесен показал на мертвого мужчину за рулем. – Это тот самый начальник оперативного управления РЕТ³?

Бернсторфф кивнула.

– У него есть лицензия на разное оружие.

– Но только тот факт, что это его оружие, не значит, что это он сам.

– Нет, но автомобиль я тоже пробила – и он записан на него.

– О’кей, – сказал Хеск, кивая, чтобы выиграть немного времени. – Дело теперь очевидно предстает в другом свете. Мортен, позаботьтесь о том, чтобы расширить оцепление, пока обо всем не пронюхали журналисты. – Он подошел к

³ Служба полицейской разведки Дании.

водительскому месту. — Чем дольше нам удастся удерживать это в тайне, тем лучше.

Пока Хейнесен спешил к оцеплению, Хеск открыл водительскую дверь и посмотрел на склонившееся вперед, с лицом на руле, тело. Для полной уверенности судмедэксперты, конечно, должны будут провести идентификацию личности. Это займет время, а пока он мог довольствоваться тем, что прислонил тело к спинке сиденья.

Лицо практически не пострадало. Единственное, что выдавало что-то неладное, — открытый рот и удивленное выражение лица. Как будто он совсем не понимал, что с его затылком сделает пуля. Но, без всяких сомнений, он был одной из самых крупных шишек в полицейской разведке.

Хеск выпрямился и отвернулся от автомобиля и от всех остальных. Потом он пошел — мимо оцепления, до самого края пристани, где окинул взглядом блестящую от солнца воду, посмотрел на другую сторону, куда, чтобы увидеть памятник Русалочке, пришли первые туристы-жаворонки.

Он вспомнил, как впервые ее увидел. Как расстроился, когда ее размер совершенно не совпал с его ожиданиями. То же случилось и сейчас. Ничего из того, что он предполагал и видел перед собой этим утром, не оправдалось, ничего, и как бы они ни сдерживали поток информации, новость о Могенсе Клинге скоро просочится наружу, и развернется пропась.

За одним из трех рабочих столов за мониторами сидел Фарид Черукури и писал команды на одном из компьютеров. Во времена, когда он работал на мобильного оператора «TDC», чтобы не умереть от скуки, он тратил все свободное время на то, чтобы пробираться через сетевую защиту и прослушивать разговоры разных знаменитостей.

Рядом сидел его друг, Цян Ху, тоже бывший недооцененный талант программирования, трудившийся в поддержке клиентов «TDC», и наблюдал за монитором с трансляцией люстры в спальне Слейзнера.

Обоих наняла Дуня, чтобы за скромную зарплату дать им возможность заниматься чем-то другим, а не отвечать на вопросы, почему так дорого обходится оставлять детей один на один с телефоном в отпуске.

– Не понимаю, – сказал Цян, не отводя взгляд от экрана. – Когда он проснулся?

– В пять часов восемь минут, если верить приложению для сна у него на телефоне. То есть семнадцать минут назад.

Из колонок послышался отдаленный шум слива в унитазе.

– И он не собирается на какой-нибудь ранний рейс или что-то подобное? – спросила у них за спиной Дуня, пока Цян отодвигал ползунок перемотки, чтобы еще раз посмотреть видео.

– У него в календаре ничего такого не указано. – Фарид щелкал по иконкам на экране, выглядящем как рабочий стол на мобильном, и открыл длинный список будильников на разное время. – Никакой из будильников не телефоне тоже, похоже, не был включен, кроме обычного на полседьмого.

– И никаких СМС? – Цян зевнул и потянулся. – Звонков?

– Сейчас у него включен беззвучный режим, и он находился в фазе глубокого сна. Но погоди, сейчас посмотрим. – Фарид зашел в приложение с сообщениями. – Нет. И здесь ничего.

На мониторе Цяна теперь было видно, как Ким Слейзнер спит на спине с закрытыми глазами и открытым ртом, обложенный постельным бельем.

– Похоже, что спал он беспокойно. – Цян указал на беспорядок в кровати.

– Он так спит в последнее время, – сказала Дуня и в этот же момент Слейзнер проснулся, дернувшись, и огляделся, как будто сначала не понимал, где находится.

– Но, может, в этот раз он спал совсем плохо. Возможно, именно сейчас тревога достигла максимума.

– Но ты всерьез думаешь, что он мучается угрызениями совести?

– Почему бы и нет? – Цян пожал плечами. – И у плохого слона бывает...

– Пожалуйста... – перебил Фарид. – Еще слишком рано для твоих сравнений со слоном.

– Для них всегда рано, – сказала Дуня.

– Мне рассказать, для чего еще слишком рано? – спросил Цян. – А? Рассказать?

– Нет, уж избавь нас от этого, – ответил Фарид.

– Лучше разберись в том, что случилось, – Дуня кивнула на монитор, где Слейзнер перевернулся на бок и исчез из кадра.

Цян покачал головой.

– Я уже начинаю подозревать, что он узнал, что мы взломали его мобильник, и теперь водит нас за нос.

Дуня приложила палец к губам и увеличила громкость на одной из колонок, и после непродолжительной тишины они услышали, как Слейзнер медленно и тяжело вздохнул: «Твою мать, твою мать...»

– Так не говорит тот, кто водит за нос, – сказала она, повернувшись в Фариду. – Как думаешь?

– Да, я согласен. Ничего из этого не является нормой для этого мужчины.

На экране снова показался Слейзнер, перекатившийся обратно в кадр и севший на край кровати. Там он потянулся, так что хрустнули шея и костяшки, а затем встал и снова исчез из виду.

– Попробуй вернуться в режим реального времени, – сказала Дуня, и Цян щелкнул на одно из выпадающих меню.

Изображение на экране с люстрой в зеркале на потолке осталось прежним, но из динамиков слышалось, как

Слейзнер возвращается в спальню.

– А теперь будь хорошим мальчиком и прихвати с собой мобильный, – сказал Цян.

Но единственное, что он увидел, – это тень, которая прошла мимо края кровати и так же быстро исчезла.

– Вот об этом я и говорю. Этот черт издевается над нами.

– Я отправлю от «TDC» СМС с информацией о новых настройках оператора, – произнес Фарид и приступил к делу.

– Разве у него не беззвучный режим? – спросила Дуня.

– Уже нет. – Фарид поставил громкость на мобильном Слейзнера на максимум и отправил техническое сообщение, которое заставило телефон издать прерывистый писк, напоминающий пожарную сигнализацию.

Вскоре Слейзнер вернулся в кадр и поднял мобильный, после чего весь монитор заполнило его сонное лицо, пока он читал сообщение. Закончив, он положил телефон на тумбочку и исчез.

Фарид вздохнул и повернулся к Цяну.

– Может, попробуем ТС 5, чтобы удостовериться, что имеем дело не с обычной утренней йогой?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Цян. – Хуже точно не будет, сказал слон и сунул свой хобот в...

– Цян... – перебила его Дуня и многозначительно улыбнулась, после чего он, вздохнув, включил еще один компьютер и подключил модуль управления с двумя джойстиками.

На экране начало расти изображение, которое вскоре за-

полнило его целиком. Но единственное, что можно было разглядеть, – нечто бесформенное, серое, переходящее в голубое в верхней части монитора. Только когда все изображение начало сдвигаться вверх, а объектив камеры навел фокус, стало понятно, что серое – это рубероид на крыше дома в форме знака бесконечности с двумя возвышающимися стеклянными куполами посередине.

Перед зданием виднелась бирюзовая вода, а на другой стороне – разные офисные строения с фасадами из стекла и стали. За ними на горизонте выросал силуэт моста Вестербро, а справа можно было увидеть позолоченную башню цепочной карусели в «Тиволи».

С помощью джойстика Цян повернул камеру обратно к зданию, одновременно с этим изображение опустилось к изогнутому фасаду дома и его верхнему этажу, целиком состоявшему из большого балкона с панорамными окнами от пола до потолка.

В окнах отражался дрон, но как только Цян изменил его позицию и четкость изображения, они смогли заглянуть прямо в гостиную Слейзнера, изысканно обставленную уютным мебельным гарнитуром по центру, обеденным столом и огромным плоским телевизором рядом с картиной, наводящей на мысли о «давайте что-нибудь порисуем» в детском саду. Однако самого Слейзнера они не видели.

– Похоже, мы правы, – сказал Фарид, пока Цян вел дрон вдоль фасада. – Никаких приветствий голышом и нудист-

ской йоги в поле зрения. Точно что-то случилось.

– Да, тут ничего интересного, – кивнул Цян. – Но вот он, хотя бы здесь.

В примыкающем к гостиной кабинете шторы были опущены и частично закрывали вид. Но сомнений не было в том, что там, наклонившись перед компьютером, сидел именно Слейзнер.

– И насколько я могу судить, – продолжал Цян и приблизил руки Слейзнера, которые не двигались, – Он не просто сидит и расслабленно лазает утром по интернету.

– Что-то в новостях? – Дуня села за один из компьютеров. – Что-то, что...

– Твою мать! – внезапно выпалил Слейзнер. – Долбаная гребаная херня! – И на экране они увидели, как он закрыл руками лицо и покачал головой. – Не может быть! Да такого блин не может быть!

Когда Ян Хеск впервые увидел женщину в машине, он об этом не задумывался. Но войдя в кабинет для осмотра отделения судмедэкспертизы и разглядев ее в ярком свете лампы, он поразился, насколько она красива. Густые кудрявые волосы, строгие, но вместе с тем мягкие черты, и золотисто-коричневая, почти сияющая кожа.

И все же внимание его привлекло тело, лежащее на соседнем смотровом столе. Тело, которое никак нельзя назвать красивым, смотреть на которое больно, хоть простреленная голова и закрыта зеленой тканью.

С Могенсом Клинге они оказались ровесниками. Всегда, когда Хеск видел интервью с ним по телевизору, Клинге выглядел бодрым и был в хорошей физической форме, одевался свободно, обычно в джинсы и пуловер. Теперь он лежал тут голышом, без джинсов, пуловера и смокинга, в которых его нашли, и в глаза бросалось разложение.

Тело было не просто бледным, оно было розоватым, порсячьего оттенка, и хоть Клинге точно старался удерживать вес в рамках нормального ИМТ, складки около талии свисали, словно свежее тесто. Вдобавок растительность на теле отросла неравномерно, но это было скорее всего связано с тем, что он неаккуратно поработал триммером. И словно всего выше перечисленного было недостаточно, еще и пенис

съежился до невидимых размеров под густыми лобковыми волосами.

А сам он выглядел бы так же непривлекательно? Хоть он никогда не был толстым, но в последние годы у него появился живот, несмотря на то, что он бегал дважды в неделю. Купил домой и гантели, и доску для балансирования, и коврик. Будет ли он вот так же лежать, когда придет время, и вызывать у того, кто стоит и смотрит, тошноту?

Он повернулся к судмедэксперту Трин Блад, которая стояла, наклонившись над раздвинутыми ногами женщины, и в лупу разглядывала что-то на внутренней стороне ее бедер. Она так сконцентрировалась на работе, что не заметила его, стоящего тут уже около двух минут, поэтому ему в конце концов пришлось откашляться, приложив ладонь ко рту.

– А вы нетерпеливый, – произнесла она без малейшего намерения прервать осмотр.

– Простите, понимаю, что вы едва приступили к работе. Но я всего лишь хотел узнать...

– Ничего страшного. – Она повернулась к нему. – Нетерпеливость – это просто слово, придуманное теми, кто никогда ничего не доводит до конца.

Он кивнул.

– Понимаете, это первое расследование, которое я веду совершенно самостоятельно.

– Я знаю.

– Правда? Я разве вам говорил? Или кто-то другой...

– Единственные, кто что-то говорит, – капли пота у вас на лбу и ваш скованный, немного нервный тон.

– Я не нервничаю. Я просто хочу все сделать правильно.

– Конечно. И вы так этого хотите, что нервничаете, боясь ошибиться.

Она видела его насквозь.

– Вы мертвых так же хорошо анализируете, как живых?

– Посмотрим. – Она повернулась к телу женщины. – Надеюсь, вон тот шрам ускорит идентификацию.

Хеск шагнул вперед, наклонился к раздвинутым ногам женщины и стал изучать шрам на внутренней стороне правого бедра. Он был длиной в несколько сантиметров и представлял собой крест, Хеск подумал, что, должно быть, именно его Торбен Хеммер так внимательно фотографировал утром.

– Сначала я предположила, что это просто травма, от которой остался след в виде креста, – продолжала судмедэксперт.

– Но?

– Во-первых, это очень необычное место для травмы. Во-вторых, не вижу, что там когда-либо накладывались швы, а это указывает на то, что это было сделано осознанно.

– Вы имеете в виду некую форму пыток?

– Можно предположить и такое, но если цель заключалась в том, чтобы причинить боль, есть гораздо более простые и эффективные методы. Кроме того, если мы исходим из того,

что она занималась проституцией, то это как испортить товар, который хочешь продать.

Хеск кивнул. Такая точка зрения выводила шрам в центр внимания.

– Если спросите меня, то думаю, что она сама его сделала. Как татуировку. Но это всего лишь догадки.

– Татуировку. – Хеск повернулся к судмедэксперту. – Вы имеете в виду, что она хотела что-то сказать?

– Нет, я ничего не имею в виду. Просто предполагаю.

– Но крест, это ведь символ смерти?

– Да, но еще и массы всего другого, и наряду с черепом это, прежде всего, один из самых популярных символов у желающих сделать татуировку. Не спрашивайте почему. Для меня это так же непостижимо, как и зачем вообще люди делают татуировки. Но это мое мнение. – Она пожала плечами. – Теперь я хотела бы продолжить осмотр, если вы не против.

– Еще кое-что, и обещаю оставить вас в покое. Что вы думаете о сценарии, который мы разрабатывали утром? Вы нашли что-нибудь его подтверждающее, или нам нужно все полностью пересмотреть?

– Вы имеете в виду сценарий, где Клинге случайно задушил женщину во время полового акта, а потом застрелился и одновременно упал на машине в воду?

– Что-то в таком духе, да.

– Пока я только начала работу, но на данный момент не

нашла ничего противоречащего этому.

Хеск сразу почувствовал, как часть груза свалилась с плеч. Может, все-таки это расследование пройдет относительно гладко.

– Так вы смогли установить, что они занимались сексом?

Судмедэксперт кивнула.

– Да. Но только вагинальным, и в этом смысле все, похоже, прошло нормально. Я увидела шрамы только от более давних травм.

– А что насчет следов удушения? Возможно ли удостовериться, что они остались именно от его рук?

– Думаю, это будет нелегко. – Она подошла к другому краю смотрового стола и начала рассматривать следы на шее женщины. – Если бы у него был какой-нибудь развернутый внутрь перстень или что-то вроде того, это было бы другое дело. Такие следы могут, в общем, остаться от того, кто... – Она замолчала и стала надавливать сильнее. – Странно, – через некоторое время проговорила она себе под нос, а затем открыла рот женщины и посветила прямо в горло маленьким фонариком.

– Вы что-то нашли? – спросил он, не подходя слишком близко. Он совсем не хотел мешать.

Ответа он не получил. Как будто вообще его не услышав, она продолжила осмотр, засунув указательный и средний палец женщине в рот так глубоко, что у него сработал рвотный рефлекс.

Тут открылась дверь, и в помещение вошел широкоплечий вахтер в голубом комбинезоне с тележкой, набитой лампами дневного света и лампочками разных форм и размеров.

– Здравствуйте, – сказал он с восточно-европейским акцентом. – Только заменю лампы.

– Без проблем. – Судмедэксперт вынула пальцы из горла женщины и повернулась к столу, занятому инструментами для осмотра, взяв оттуда пинцет длиной в пару десятков сантиметров.

Хоть Хеска больше интересовало, чем занимается судмедэксперт, что-то заставило его приглядеться к вахтеру, который разложил стремянку, поднялся к одной из ламп и начал откручивать защитный короб. Хеск не понимал, что конкретно. Единственное, что бросалось в глаза, – отсутствие у мужчины безымянного пальца.

Спустя некоторое время Хеск повернулся обратно к судмедэксперту, которая все глубже засовывала пинцет в горло женщины, а когда в итоге начала что-то вытаскивать из распахнутого рта, он подошел к ней, чтобы рассмотреть поближе.

Он не знал, что это. Только то, что это разноцветный кусочек ткани, блестящий от слизи и слюны. Золотистый, оранжевый, розовый и зеленый цвета. Узкие полосы всевозможных оттенков продолжали выходить изо рта женщины, как будто им не было конца.

– Похоже на носовой платок? – спросил он, когда она раз-

вернула квадратный кусок ткани на одном из боковых столов.

– Да, – кивнула судмедэксперт. – И так мы видим, что как минимум половина вашего сценария больше не актуальна.

– Что вы хотите сказать?

– Тут дело совсем не в зашедшем слишком далеко сексе с удушением. А в другом, и это другое – преднамеренное убийство.

Хеск кивнул, пытаясь совместить новую деталь пазла с остальными, и тут заметил, что вахтер стоит на стремянке с лампой в руках и смотрит прямо на них и их находку.

– Простите, вы разве не лампы пришли менять? – спросил Хеск и подошел к нему.

– Так точно, лампы и лампочки. – Вахтер опомнился и открутил одну из ламп дневного света.

– Может, глупый вопрос, но в чем смысл их менять? Они ведь работают.

– Смысл? – Вахтер пожал плечами.

– Да, зачем их менять, если они еще работают?

– Я не знаю, – вахтер вдруг перешел на английский. Вы хотите поговорить с моим начальником? Так будет лучше. Я позвоню ему.

– Нет, не нужно. Но я хочу увидеть ваши документы, – Хеск тоже ответил по-английски.

– Что?

– Ваши документы. Могу я увидеть их? – повторил он.

Как и с тем рыбаком, что-то тут его смущало.

– Зачем? Я не понимаю. – Вахтер спустился со стремян-ки. – Я ничего не сделал. Ничего.

– Я вас ни в чем не обвиняю. Но у нас тут расследование идет полным ходом, и я хочу убедиться, что все в порядке.

– У меня нет с собой документом.

– Хорошо, тогда где же они?

– В нашем офисе.

Дверь открылась и в помещение заглянул еще один муж-чина.

– Вратлов, что ты тут возишься? Мы не можем потратить на это целый день.

– Это все он. Требуется документы, а у меня нет с собой.

– Нам нужно просто поменять пару ламп. – Мужчина по-дошел к Хеску. – В чем проблема?

– Мне кажется немного странным, что вам нужно менять явно работающие лампы, как раз когда мы здесь.

– Мы меняем все лампы дневного света на более энерго-сберегающие. Мы просто следуем регламенту.

– А мой регламент – это знать, с кем я нахожусь в одном помещении во время следствия. Так что либо покажите свои удостоверения, либо покиньте помещение.

– О'кей. – Мужчина кивнул. – Поработаем здесь позже. Когда вы закончите?

– Об этом вам нужно спрашивать не меня, а ее. – Он кив-нул на судмедэксперта, которая теперь через лупу изучала

покрашенные красным лаком ногти женщины. – Думаю, сейчас она слишком занята, чтобы отвечать на вопросы.

Мужчина кивнул коллеге, монтировавшему обратно лампу и короб, после чего тот спустился и сложил стремянку.

– А как вас зовут? – спросил мужчина, пока помогал коллеге с оборудованием.

– Хеск. Ян Хеск.

– Отлично, – сказала судмедэксперт, как только те двое покинули помещение и закрыли дверь. – Начинаете осваиваться.

– Я бы так не сказал, – произнес он, хотя на самом деле именно так себя и чувствовал. – Просто не хочу никаких посторонних...

– Надеюсь, освоились вы достаточно, чтобы посмотреть вот на это, – перебила она, в то время как зацепила щипцами ноготь на среднем пальце правой руки женщины и подняла его перпендикулярно пальцу.

– Что вы обнаружили? – спросил он, подходя к ней.

– Вот. – Она поскребла внутреннюю сторону сломанного ногтя длинным узким инструментом и показала кровяные частицы. – То есть это принадлежит не ей.

– Да, она ведь его царапала.

– Да, может показаться и так. – Она перенесла частицы кожи и крови на предметное стекло и поднесла его к свету. – Проблема в том, что у Могенса Клинге всего одна царапина.

Время уже перевалило за девять, прошло чуть больше четырех часов с того момента, как Ким Слейзнер проснулся и вылез из кровати значительно раньше обычного. После первого утреннего посещения туалета он полчаса провел за компьютером у себя в кабинете.

К сожалению, они не знали точно, чем он там занимался. Для этого им пришлось бы проникнуть в квартиру и установить ему на компьютер программу для взлома клавиатуры, что, по их оценкам, несло слишком высокие риски.

Затем он быстро принял душ, оделся и приехал в офис примерно на час пятнадцать раньше обычного без привычного пятничного смузи со спинулиной, морской капустой и шпинатом, а самое главное, без обязательной утренней йоги под аккомпанемент насколько одухотворенной, настолько и безликой музыки чил-аут.

Другими словами, утро Слейзнера получилось каким угодно, кроме привычного.

Только в своем кабинете в полиции он начал коммуницировать по мейлу и СМС. Однако ничего из перехваченного ими не пролило свет на то, почему он встал так рано.

Обыкновенная административная тягомотина, которая занимала львиную долю его рабочего времени. Обсуждение бюджета, расписание найма новых сотрудников, а также раз-

говоры о том, когда обнародовать статистику раскрываемости.

Все это оказалось настолько скучным, что Цян начал иронизировать, мол, интереснее смотреть на то, как растет дерево. Но их энергия никуда не делась, и последние часы они работали интенсивнее, чем когда-либо.

Что можно было сказать и о Слейзнере, который сегодня утром демонстрировал необычную продуктивность за рабочим столом.

Многие из мейлов, на которые он ответил, пришли давно, а некоторые даже две недели назад. Вдобавок он отменил участие во всех запланированных на сегодня встречах и находился в процессе отмены встреч и на всю предстоящую неделю.

Единственное объяснение, которое устраивало их всех, — он подчищал хвосты. В свою очередь это могло означать, что он готовит себе пути отхода или случившееся настолько серьезно, что требует отложить все остальное. Что бы это ни было, его сильно прижало в угол.

Дуня подошла к Фариду, который с дымящейся кружкой чая в руке смотрел то на один, то на другой монитор.

— Нашел что-то?

— Не уверен. Возможно. Что думаешь вот об этом? — Он показал на один из мониторов с электронной перепиской Слейзнера. — Он получил это письмо на один из личных адресов три минуты назад.

От: bordsreservation@restaurantzeleste.dk

Кому: kim.sleizner001@gmail.com

Тема: Бронирование столика

Здравствуйте, Ким,

Спасибо за ваше бронирование на 3 человек в ресторане Zeleste.

Ждем вас в пятницу, 3 августа 2012 года, время 14:30 – 17:00.

Номер брони: 15962897

Если хотите снять бронь, нажмите сюда.

С уважением, Ресторан Zeleste

– Это же уже сегодня вечером, – сказала Дуня. – Он заносил это в календарь?

– Пока нет. Сейчас свободна вся вторая половина дня, он убрал и встречу по бюджету с половины первого до двух, и ту встречу о концепции развития с отделом кадров, которая должна была занять остаток дня. Ну, помнишь, они там собирались обсуждать новые этические нормы в полиции, что-бы улучшить атмосферу на работе.

Дуня кивнула. Как раз над этой встречей они долго смеялись. Сам Слейзнер инициировал ее пару недель назад, несомненно, для того чтобы очистить себе карму и показать всем, какой он хороший и сознательный шеф. Но в данную минуту у него явно было что-то важнее уважения, сострадания,

равноправия и разнообразия.

– У нас есть предположения, с кем он может встречаться? Фарид покачал головой.

– Цян сейчас этим занимается. Но судя по его плохой осанке, дела идут не очень хорошо.

– Ну, не я же постоянно жалуюсь на боль в спине, – сказал Цян, который, казалось, сейчас стечет со стула, перемещая курсор по одному из мониторов.

– Ты проверял Фейсбук? – спросила Дуня.

– Да. И Твиттер, и Вордфьюд.

– Вордфьюд? – переспросил Фарид.

– Да, он скачал его пару недель назад, а там есть еще функция чата. Но кроме тех мейлов, которые вы читали, не похоже, что он с кем-то связывался. Он даже не выходил из кабинета, чтобы взять кофе и поговорить с коллегами. – Раздался сигнал, и Цян выпрямился на стуле. – Хотя погодите, что-то происходит.

– Что такое? – Дуня подошла к нему.

– Он только что отправил СМС.

– Кому?

– Яну Хеску.

– Хеску? – Дуня обернулась к Фариду. – Он разве не в отпуске?

Фарид кивнул.

– Да, вернется не раньше понедельника, тринадцатого.

– Прочитай, что он написал.

– Привет, Ян, просто хочу, чтобы ты знал, что я тебе полностью доверяю, – прочитал Цян. – Не представляю никого более подходящего для этого расследования. И в конце поставил смайлик.

– Расследование? Что еще за расследование? Ничего не понимаю. Ему что-нибудь ответили?

– Да, спасибо.

– А дальше? Больше ничего?

– Ну, кажется, Слейзнер пишет что-то прямо сейчас. Но ты знаешь, как быстро обычно печатают его пухлые пальцы. – Цян воспользовался моментом, подошел к кофеварке и долил в чашку кофе. Когда он снова сел, раздался еще один сигнал. – Он спрашивает, как идет расследование и когда у команды будет встреча.

Дуня подошла к одному из свободных компьютеров, зашла на страницу таблоида «Экстра бладет» и стала искать что-то настолько масштабное, что потребовало бы подключить весь полицейский штат. Но ей удалось найти лишь благодатную смесь из слухов о звездах и советов по похудению и отпуску. Утренняя газета «Политикен» оказалась не сильно лучше, хоть они и не поленились организовать большое летнее тестирование круглых грилей.

– А вот и ответ от Хеска. – продолжил Цян. – *Все идет как по маслу. Мы с командой встречаемся в четверть первого. Я заказал ланч на всех.* – Цян покачал головой. – Одновременно работать и есть. Хуже не бывает.

– Кстати, Слейзнер как раз записал в календарь свой поздний ланч. – сказал Фарид, обернувшись к остальным. – Сегодня между 14:30 и 17:00 он отправится к «стоматологу».

Дуня ничего не понимала. Что они упустили? Что такое судьбоносное заставило Хеска прервать отпуск, а Слейзнера отменить все встречи и отправиться на дорогой ланч, приговариваясь, что идет к зубному? С уверенностью она знала только одно – она ждала этого дня.

Темнота походила на большую глубокую дыру, появлявшуюся из ниоткуда. Так происходило каждый раз. Как будто внезапно срабатывал предохранитель, и вокруг него все гасло и останавливалось.

Замолкало.

А вместе с ней приходил холод. Холод, с груди растекавшийся по всему телу, которое начинало дрожать. Несмотря на это он потел. Так сильно, что капли превращались в струйки, из-за которых простыня под ним прилипала к спине.

Когда Фабиан испытал это впервые, он полагал, что ему просто приснился кошмар. Теперь он знал лучше. Здесь не было никаких жутких картин, которые пыталось побороть его подсознание. Никакого десятисантиметрового павлина, шагающего у него по руке в роли не поддающегося расшифровке символа.

Он не спал, бодрствовал, но единственное, что испытывал, — давящую на грудь, не дающую дышать темноту.

Так происходило каждое утро со вторника, когда он проснулся в холодном поту, запыхавшись, как будто только что пробежал много километров. Сейчас уже успела наступить пятница, но он все еще продолжал беспомощно проваливаться в эту бездонную дыру, обволакивающую его холодной и вместе с тем разъедающей тревогой.

Трое суток, превратившиеся в вечность.

Тогда, во вторник, в полшестого утра, когда он находился в разгаре той, другой, жизни, которая никогда не вернется, он понятия не имел, в чем дело. Откуда пришли черная дыра, нехватка воздуха и тревога.

Напротив, в целом после успехов последних лет все начало двигаться в том направлении, которое при сопутствующей удаче, прочило более светлое будущее – и для него, и для его семьи.

Прошел месяц, с тех пор как он задержал своего коллегу, криминалиста Ингвара Муландера, за пять убийств и два покушения на убийство. В тот же день, несколько часов спустя, с помощью игральных кубиков ему удалось поймать Хао Викхольма, в народе получившего прозвище *Убийца с кубиками*. Оба теперь сидели в надежном месте, ожидая пожизненного наказания.

Впервые с прошлой весны в отделе воцарилось спокойствие, а ему наконец удалось без угрызений совести взять отпуск. К тому же их с Соней отношения давно не были такими хорошими. Конечно, между ними сохранялась дистанция, но она уменьшалась с каждым проведенным вместе днем. С каждой ночью, которую они проводили лежа в обнимку.

Дела наладились и у Матильды, и она стала возвращаться к привычной себе, снова называла его *папой*, а не *Фабрианом*. Даже ситуация с Теодором в датской тюрьме похоже шла к своему разрешению.

После того, как суд по делу об убийстве бездомной женщины по неизвестным мотивам раз за разом откладывался, сейчас, после выходных, он должен был наконец возобновиться. По словам адвоката Теодора, Ядвиги Коморовски, исход был непредсказуем. В то же время было ясно, что суд посчитает участие его сына крайне незначительным в сравнении с другими исполнителями, и в случае обвинительного заключения наказание составит максимум пару лет.

Это, конечно, сильно отбросило их назад, но здесь не было ничего, с чем они не могли бы справиться. Все-таки Теодор только стоял на страже, к чему его принудили остальные. В целом в текущих обстоятельствах дела шли как нельзя лучше. Несмотря на это он чувствовал боль в груди, как будто в комнате заканчивался кислород. С тех пор он чувствовал это каждое утро.

Он повернулся к Соне, которая скинула с себя одеяло и лежала на спине, дыша так спокойно, что, только близко к ней наклонившись, он мог почувствовать теплое влажное дыхание. Он осторожно поцеловал ее в щеку. Но, словно не желая ни при каких обстоятельствах рисковать заразиться его тьмой, она отдернула голову и оттолкнула его от себя.

Трое суток, и они никогда не были так далеки друг от друга.

Часы уже показывали без четверти десять, и если так будет продолжаться, то вскоре ночь и день поменяются у них местами. Как и три последних дня, он не стал ее будить и как

можно тише покинул спальню.

Из-за адреналина сна не было ни в одном глазу, и он с тем же успехом мог сейчас выполнить тренировочную программу, которую получил от физиотерапевта. Она занимала не более получаса и состояла из равных промежутков с растяжкой, силовыми упражнениями и упражнениями на равновесие. Он никогда не любил заниматься дома, но все-таки в последний месяц ежедневно слепо выполнял все упражнения, что значительно ускорило заживление бедра.

Но он по-прежнему хромал, и как только отправлялся на более длительную прогулку, боль давала о себе знать и простреливала ногу. Однако он больше не пользовался коляской и уже две недели как не брал костыли. Это считалось хорошим прогрессом, учитывая, что Ким Слейзнер всего месяц назад выстрелил ему в ногу.

Выстрел этот был во всех смыслах немотивированным, в то время как он сам был невооружен и только что поймал одного из самых страшных серийных убийц Скандинавии. Из-за всей ситуации его шеф Астрид Тувессон связалась с комиссаром национальной полиции Швеции, чтобы составить официальное заявление на Слейзнера и датскую полицию. Но он отказался и не стал подписывать заявление, аргументируя это тем, что отношения с датчанами уже и так достаточно напряженные. Кроме того, результатом стали бы только официальные извинения.

В общем и целом, пуля у него в ноге являлась не чем

иным, как мстью за то, что он не стал помогать Слейзнеру в обнаружении Дуни Хугор. Учитывая, что он понятия не имел, где она находится, все становилось еще более абсурдным. Несмотря на это, он решил перечеркнуть случившееся и впредь, насколько возможно, не иметь дел с датским комиссаром полиции.

Проведя несколько минут у собрания пластинок, он решил поставить «Ancient Future» Кристофера Виллитса и Рюити Сакамото. Он заказал этот альбом на прошлой неделе, потому что алгоритмы были убеждены, что эта музыка ему подойдет.

О Виллитсе он никогда не слышал, а вот Сакомото он ценил со времен «Yellow Magic Orchestra» начала восьмидесятых, а когда они вместе с Дэвидом Силвианом записали «Forbidden Colours», то имя Сакомото навсегда заняло место среди звезд в его коллекции пластинок.

Сначала музыка зазвучала обволакивающе и атмосферно, точно как он и ожидал, – он немного прибавил громкости, развернул на полу гостиной коврик и начал разогреваться. Но покой не приходил. Несмотря на медитативную музыку, расслабляющие упражнения и то, что он всячески старался ни о чем не думать, адреналин не отпускал.

Вероятно, причина в том, что это должно случиться именно сегодня. То, чего они с Соней и Матильдой ждали с момента получения известий, должно наконец состояться. Они надеялись, что это поставит точку в той неопределенности,

в которой они оказались, а в лучшем случае даст начало чему-то новому. Чему-то, что поможет им снова сблизиться. Сблизиться в горе, пока лишь отдаляющем их друг от друга.

В конце концов он бросил упражнения и подошел к кухонной столешнице, где заряжался мобильный. Точно так, как он сделал во вторник. Сейчас там ничего не было. Ни СМС, ни пропущенных звонков. Но тогда на автоответчике висело сообщение от Коморовски. Она пыталась до него дозвониться в 5:32, именно в это время, как он позже заметил, он впервые провалился в черную дыру.

Здравствуйте, Фабиан, это Ядвига Коморовски, – сказала она ровным, почти искусственным, тоном. – Прошу прощения, что звоню так рано, но было бы здорово, если бы вы мне перезвонили при первой возможности. Так, будто это была не она, а какой-то компьютерный голос, запрограммированный на сходство с ее настоящим.

С барабнящим в ушах пульсом он нашел ее номер и позвонил, и словно и для мобильных сигналов утро было еще слишком ранним, им понадобилось время, чтобы поймать ближайшую вышку и соединить абонентов.

– Здравствуйте, Фабиан, – произнесла она тогда. В этот раз даже не пытаясь говорить ровным тоном. – Думаю, лучше, если вы сядете, прежде чем мы...

Где-то в тот момент мобильный выскользнул у него из руки, как будто стал вдруг слишком тяжелым, и ударился об пол, перед тем как упасть в паре метров от него. Но этих слов

ему хватило. Он уже понял больше, чем ему когда-нибудь могло понадобиться. Больше, чем кому-либо когда-нибудь могло понадобиться.

От осознания ноги подкосились, и он сполз на пол рядом с телефоном.

– *Фабиан, что случилось?* – услышал он крик. Но раздавался он не из мобильного, а с лестницы, и, подняв глаза, он увидел закутанную в халат Соню в компании с Матильдой. – *Что ты тут делаешь? На часах всего без четверти шесть.*

– *Мама, ты что, не понимаешь?* – сказала Матильда. – *Это Теодор. Да, папа? Это же Теодор?*

Он попытался ответить, но камень в груди лишил его голоса.

– *Фабиан, это правда?* – спросила Соня с текущими по щекам слезами. – *Матильда права? А? Фабиан, ответ! Правда, что Тео...*

Он смотрел то на Соню, то на Матильду, не в силах сказать хоть слово.

– *Я знала!* – закричала Матильда и разрыдалась. – *Я же говорила! Я же это все время говорила!*

Сам он не мог ни кричать, ни плакать. Он пытался, но был не в силах. Не пролил ни слезинки. Как будто был не в состоянии осознать, что Теодора больше нет. Что его сын свел счеты с жизнью.

В то же время часть его все время боялась именно этого. Будто слабое предчувствие. Подсознательное понимание,

что по-другому это закончиться не может. Что как бы он ни пытался бороться и направить цепочку событий в другое русло, все дороги вели именно сюда. Будто в черную дыру, гравитацию которой ничто не могло преодолеть.

Но, возможно, сегодня все изменится. Через несколько часов они впервые отправятся туда и встретятся с ним.

Увидят собственными глазами.

Увидят невообразимое.

Именно этот коридор был одним из самых безликих во всем треугольном здании полиции Копенгагена. Длинный, без дверей или окон. Даже стены не удостоились никаких украшений помимо скучной бежевой краски, чуть светлее, чем коричневый линолеум на полу.

Но, без сомнения, именно по этому коридору Ян Хеск ходил чаще всего. Не только за годы работы в полиции, а, вероятно, за всю жизнь, от школьных коридоров до прихожей в его собственном доме. Диарейный ход, как его называли из-за цвета, вел от кабинетов и рабочих мест к переговорным, и Хеск частенько проходил по нему по двадцать раз за день.

Но никогда еще он не направлялся по нему в переговорную, чтобы в одиночку вести рабочее совещание и никогда так часто не оглядывался.

Он не мог по-другому. Ему казалось, что все следят за ним и отмечают каждый его шаг. Как заметила Трин Блад, видимо, он просто боялся совершить ошибку. Боялся, что в нем увидят самозванца, которому просто до сих пор везло.

В сомнениях он колебался между тем, чтобы ускорить шаг, не потеряв еще одну драгоценную минуту, и тем, чтобы развернуться и просто убежать отсюда.

В некотором роде его удивляла собственная амбивалентность. Ведь именно этого он так ждал все годы. Расследова-

ние убийства, которое могло пойти по какому угодно пути и уж точно разбавить серые будни жизни.

Конечно, удобнее было бы начать с чего-то более простого, и да, именно в этом деле действительно чувствовалось что-то тревожащее. Что-то, что заставляло его быть начеку.

Но все это эмоции и беспокойные мысли, для которых сейчас нет места. Чтобы суметь довести расследование до победного конца, ему нужно сохранять хладнокровие, концентрироваться на необходимых вещах и не погружаться в себя.

Он завернул за угол, вошел в недавно отремонтированный отдел переговоров и увидел, что остальные члены команды уже сидят и разговаривают за столом позади одной из отполированных стеклянных стен. Коллеги не производили впечатление спокойно беседующих, а это означало, что они начали встречу без него.

Ладно, он опаздывал, действительно опаздывал. Почти на четверть часа. Но все же. Это ведь его расследование. Ведь это он должен вести дискуссию и координировать работу остальных. Немного уважения, неужели он многого требует? Да, очевидно. Четверть часа достаточно для них, чтобы начать плясать на столе.

Он заходил в туалет. Он чувствовал необходимость посидеть там и собраться с мыслями, в отсутствие посторонних взглядов. Без коллективного оценивания. Это был его первый с утра перерыв.

В обычных обстоятельствах четверть часа за закрытой дверью туалета приносила ему удовольствие. Но в этот раз тело намертво заклинило, и оно судорожно удерживало то, что следовало отпустить. И вместо того, чтобы собраться с силами перед предстоящими событиями, он тужился, пока со лба не закапал пот, и проклинал себя за неспособность справиться даже с самым элементарным занятием.

В конце концов он сдался, помыл руки, стер пот со лба и поспешил в переговорную. Однако свои сомнения ему смыть не удалось, и в то же мгновение, как он взялся за ручку стеклянной двери, стало очевидно, что вся команда чувствует то же самое. Никто в него не верил.

– Если повезет, я, может быть, смогу восстановить работу GPS, – обратился Торбен Хеммер к Юли Берн сторфф и Мортену Хейнесену. – Он смог бы показать нам, где автомобиль находился последние сутки.

– Привет, Ян, – сказал Хейнесен, улыбнувшись ему.

– Привет, – ответил он и закрыл за собой дверь. – Простите, что немного задержался.

– Ничего страшного, – сказал Хеммер, не выказав даже намерения повернуться. – Так вот, предлагаю взять паузу и посмотреть, даст ли результат мое маленькое купание в рисе.

– Это помогло, когда мой телефон оказался в ванне, – заметила Берн сторфф.

– Да, но еще зависит от модели и от того, какие у него стояли настройки.

– Как здорово! Другими словами, время покажет, – начал Хеск, пытаясь взять слово. – Значит, с этим разобрались. Давайте начнем!

– Как видите, мы уже начали. – Хеммер встретился с ним взглядом и улыбнулся. – Кстати, что насчет ланча?

Хеска осенило, что он совершенно забыл забрать заказанные бутерброды.

– Странно. Его должны были принести еще двадцать минут назад, – произнес он и посмотрел на наручные часы, стараясь выкрутиться.

– О'кей, а то мне на самом деле через час нужно обратно на пристань на встречу с водолазами. – Хеммер направил пульт на проектор у потолка, и на опущенном экране появилось изображение интерьера автомобиля. – Так вот, я хотел обратить внимание на...

– Торбен, при всем уважении, но я думаю, это может немного подождать, – перебил Хеск и подошел к экрану. – У меня на повестке есть другие вещи, которые мы должны...

– Увы, я тороплюсь, – перебил Хеммер в ответ. – Как я уже сказал, мне нужно уходить.

– Но теперь говорю я, это подождет до момента, пока я...

– Торбен, сколько тебе нужно времени? – перебила Юли Берн сторфф.

– Двадцать минут максимум.

– Тогда предлагаю тебе выступить сейчас, а мы потом продолжим, когда тебе нужно будет уйти. Разве так не лучше

всего? Что скажешь, Мортен?

– Предлагаю, чтобы решение принял Ян, поскольку исследованием руководит он.

– Спасибо, Мортен, – сказал Хеск, повернувшись к Хеммеру. – Торбен, не могли бы вы быть так любезны и выключить проектор?

– Но чтобы я успел осветить свои вопросы, я должен...

– Единственное, что вы сейчас должны, это выключить проектор, сесть и послушать, – перебил он с удивившим его самого спокойствием. – Больше ничего. Все понятно?

Хеммер остолбенел с пультом в руках, будто прилип к полу, и бросил взгляд на Берн сторфф, которая пожала плечами.

– Понятно ли прозвучал мой вопрос?

Хеммер наконец кивнул, выключил проектор и сел.

– Вот и хорошо. Благодарю. – Хеск обвел взглядом всех за столом и встретился глазами с Хеммером, Бернсторфф и Хейнесеном. – Как вам всем известно, я впервые руководжу исследованием, и не буду скрывать от вас, что нервничаю, и последние часы по-настоящему сомневаюсь, что подхожу на эту роль.

– Ну, Ян, ты чего, – сказал Хейнесен. – Почему ты не...

Хеск поднял руку, останавливая его, и продолжил.

– Я надеялся, что наше первое исследование окажется более-менее простым. Возможностью узнать друг друга и сработаться. Проще говоря, стать командой. – Он подошел

к одной из стеклянных стен и начал опускать жалюзи и одну за одной разворачивать их лопасти. – Но когда одной из жертв оказался начальник оперативного управления нашей разведки, я понял, что все будет ровно наоборот, а заглянув к судмедэкспертам, могу сказать, что все гораздо серьезнее.

– Простите, но что вы такого узнали? – спросила Бернсторфф.

– Об этом чуть позже. Но сначала мне нужно убедиться, что вы мне полностью доверяете. Без доверия это дело никуда не сдвинется.

– В смысле доверия? – пожал плечами Хеммер. – Мы ведь только что встретились и едва знакомы.

– Совершенно верно. Как и то, что работой руковожу я. Так что либо вы дадите мне работать, либо пишите заявление об увольнении.

– Нет, нет, я понял. Я с вами. – Хеммер поднял руки и сел.

– А что скажут остальные? – Хеск повернулся к Бернсторфф и Хейнесену.

– Конечно, я тебе доверяю, – сказал Хейнесен. – И всегда доверял.

– Я тоже, – ответила Бернсторфф.

– Отлично! Меня это радует. – С новой энергией он опустил и развернул последние жалюзи. – Тогда предлагаю нам приступить к делу. – Он взял пульт и нажал на кнопку сворачивания экрана. Затем подошел к висевшей за экраном белой доске и зажег свет. – Ах, точно, еще одно. Хочу по-

просить вас, чтобы вы уже сейчас отменили все личные мероприятия на грядущей неделе, поскольку, вероятно, будет много переработок.

– Можно спросить, почему расследование должно оказаться таким сложным? – спросил Хеммер.

– Прежде всего, дело в двух вещах. Во-первых, как нам уже известно, одной из жертв оказался начальник оперативного управления полицейской разведки. Как только эта информация станет публичной, все внимание будет приковано к нам. Именно поэтому я не предал огласке ничего, кроме совсем необходимого, и буду пытаться как можно дольше откладывать пресс-конференцию.

– Так мы не будем ничего заявлять публично? – спросила Берн сторфф.

– Будем, но пока в минимальном объеме. Во-вторых, теперь совершенно понятно, что мы на самом деле имеем дело с третьим человеком. С человеком, который не только упал в воду на машине, но еще и убил девушку, что в свою очередь рушит всю теорию об удушении во время секса и самоубийстве.

– У нас есть предположения, кто это? – спросила Берн-сторфф.

– Нет, но многое указывает на то, что вот это принадлежит ему, – Хеск поднял прозрачный вакуумный пакет с разноцветным платком-паше в тонкую полоску и пустил его по кругу.

– Где вы его нашли? – Хеммер осмотрел его с разных сторон, прежде чем передать Берн сторфф. – У нее во рту?

– Я бы сказал, у нее в горле. Он находился довольно глубоко.

– Классический узор от «Пола Смита», – сказала Берн сторфф. – Но я не понимаю, как это указывает на третьего человека.

– Позвольте мне подчеркнуть, что под третьим я подразумеваю кого-либо помимо двух жертв. Их, конечно, может быть и несколько. Возвращаясь к вашему вопросу. Не знаю, насколько хорошо вы знакомы со стилем одежды Могенса Клинге, но шелковый платок «Пол Смит» – как раз совершенно не свойственная ему вещь.

– Но на нем ведь был смокинг.

– Да, он арендовал его в «Амарине» во Фредриксберге, а у них там нет платков «Пол Смит».

– Но все равно Юли высказывает здравые мысли, – заметил Хеммер. – В любом случае это не доказательство наличия третьего человека.

– Это правда. Но вот это, смею утверждать, доказательство. – Хеск послал по кругу снимок с близкого расстояния одного из ногтей убитой, где под ним четко просматривалось что-то темное. – По словам Трин Блад, руки жертвы вымыты. Несмотря на это у нее под ногтями было столько следов крови и фрагментов кожи, что она должна была серьезно поцарапать нападавшего. – Он передал еще один снимок сло-

манного ногтя. – Естественно, образцы ушли на анализ. Но все дело в том, что на теле Клинге нет никаких царапин.

Хеск наблюдал, как в переговорной воцаряется тишина, и с удовольствием смотрел на кивающего Хеммера и остальных, пока они разглядывали снимки. Может, они и справятся, несмотря ни на что.

– Опа, какие люди! Что у нас тут такое?

Хеск перевел взгляд на заходящего в переговорную Кима Слейзнера.

– Привет, Ким, – сказал он с улыбкой, хотя именно Слейзнер был последним человеком, кого он хотел бы видеть. – Как видишь, мы в самом разгаре встречи. – Конечно, он не мог не зайти и не попытаться перетянуть одеяло на себя. – Что-то срочное?

– Ой-ой, какие мы, однако, дерзкие, с тех пор как получили собственный кабинет.

– Прошу прощения, не хотел таким показаться. Просто если есть что-то важное, что нам нужно включить в расписание, то...

– Нет, нет. Все нормально. Ничего серьезного. – Слейзнер поднял руки вверх. – Просто продолжайте и не обращайтесь на меня внимания. Я хотел взглянуть, как идут дела.

– Мы только что начали, но все идет довольно хорошо, надо сказать.

– О, как здорово! – кивнул Слейзнер. – Ну, другого я и не ожидал. С тобой во главе.

– Спасибо!

– Благодарить должен я. И да, я действительно так считаю. Все-таки к такому делу будет приковано немало внимания, и поэтому приятно осознавать, что оно в надежных руках. – Слейзнер повернулся к остальным. – Что касается всех вас, слушайте, пожалуйста, внимательно. Не меня, а вот этого человека. – Он показал на Хеска. – Он действительно знает, о чем говорит. А мне сегодня нужно к зубному чинить пломбу, так что меня не будет до конца дня.

Хейнесен и остальные кивнули. Сам Хеск старался сохранять лицо, хоть не верил ни одному слову, сказанному Слейзнером.

– Ну что, отлично. Не буду больше мешать, – продолжил Слейзнер и повернулся к двери. – А, еще кое-что. – Он снова обратился к Хеску. – Как ты думаешь, когда вы сможете что-то представить? Я имею в виду, помимо того, что этот Клинге, похоже, сильно заигрался.

– Ну, мы пока работаем всего пару часов. Постараемся действовать максимально эффективно.

– Звучит супер! Главное, чтобы я был в курсе того, на каком этапе расследования вы находитесь, хоть и не нужно быть космическим инженером, чтобы просчитать, что произошло. Как считаешь?

Хеск точно знал, как следует ответить. Но молчал. Он не понимал, смущало ли его что-то во взгляде или тоне Слейзнера. Он спокойно относился к тому, что его начальник не

уверен, справится ли он с расследованием. Сам Хеск точно сомневался еще больше.

Но это не означало, что он собирался просто сдаться и залечь на дно. Это было его расследование, шанс показать всем, что он не только достоин повышения, но на него можно рассчитывать и в будущих делах, а чтобы в этом преуспеть, нужно держать Слейзнера на максимальном расстоянии от расследования.

– О'кей, Ян, я понял, – наконец сказал Слейзнер. – Ты тут всем заправляешь и, конечно, тебе необходимо рассмотреть все варианты, прежде чем ты захочешь о чем-либо заявить. Просто хочу сказать, что это не то дело, которое нужно затягивать без необходимости. Нам не нужно сейчас допрашивать всех его одноклассников в начальной школе и анализировать содержимое каждой урны в радиусе многих миль от места обнаружения. Чем быстрее мы раскроем дело, тем лучше.

– Конечно. Как раз к этому мы и стремимся в работе, и как только у нас появится что-то интересное, я тебе сообщу, – произнес он, взвешивая каждое слово.

Их проводили к лифту. Его, Соню и Матильду. И их адвоката Ядвигу Комаровски. Никто не произнес ни слова, и пока лифт все глубже опускался в шахту, в нем царила тишина. Каждый из них пребывал в собственной тьме. Взгляды были направлены куда угодно, но только не друг на друга – на след на стене, мигающую лампу или скопление кружащих пылинок. В никуда.

Он и его действия привели их сюда. Невозможно смотреть на эту ситуацию по-другому. Именно он вынудил Теодора связаться с полицией в Хельсингере, вызваться свидетелем и рассказать правду. Такое давление привело его сына к попытке прыгнуть под поезд в лесу Польше. В последний момент он сумел помешать сыну. Все-таки он настоял на своем, и через несколько дней они вместе поехали в Данию.

Он тогда пытался убедить себя, будто не мог знать, что Теодора арестуют. Будто даже в своих самых диких фантазиях он не мог представить такое развитие событий. Но он себя обманывал. Все указывало на такую возможность. Все, что было необходимо ему, чтобы предотвратить катастрофу.

Двери лифта открылись, и их встретила женщина с убранными наверх волосами и в белом медицинском халате. Одним кивком она показала на коридор со сверкающим полом и грязными стенами. Тут и там встречались больничные кро-

вати. Большинство пустовало, но на некоторых виднелись силуэты тел под тонкими простынями.

Очевидно, это место не предназначалось для посторонних посетителей. Поэтому им сначала предложили увидеть Теодора в одном из похоронных бюро Хельсингера, где должно было найтись более приличное помещение. Но только сама транспортировка тела и его подготовка означали бы, что им пришлось бы ждать возможности его увидеть еще сутки, а что он сейчас точно не мог, так это ждать еще больше.

Ему нужно было немедленно увидеть Теодора. Чтобы раз и навсегда избавиться от мысли, что все-таки он что-то не так понял, и принять, что ему остается только горевать.

Он собирался поехать в Хельсингер еще в прошлый вторник. Без какого-либо плана, он думал без предупреждения объявиться в тюрьме, предъявить свое полицейское удостоверение и добиться возможности его увидеть. Но ради Сони с Матильдой он себя сдержал. Его роль заключалась в сохранении покоя и стабильности в семье: шли дни, а он старался объяснить, что в Дании другие правила, и им ничего не остается делать, как ждать, пока датчане дадут официальные разъяснения.

Но в глубине души он чувствовал всепоглощающую ярость, не понимая, почему все так затягивается. Без ведома Сони он давил на Комаровски, а она, в свою очередь, на датчан, но никто из них не мог дать хоть какое-то внятное объяснение, кроме того, что необходимо много дополнительной

административной работы, так как он не гражданин Дании, а это больше походило на взятую с потолка отговорку.

Женщина остановилась перед дверью и три раза постучала, прежде чем провести карточкой через считыватель, ввела код из четырех цифр и провела их в помещение, где зажженные свечи, цветы в вазе и прилепленные к стенам простыни пытались замаскировать тот факт, что они находились в морге.

Перед ним Комаровски пожала руку мужчине в белом халате, а также невысокому упитанному мужчине в очках и свободном пиджаке с заплатами на локтях. Он слышал, что они перекинулись парой слов, но не мог их разобрать, да это и не играло большой роли.

Ведь там, в дальнем конце помещения, лежало тело. Оно лежало совершенно неподвижно на разложенных носилках под белой тканью, и с каждым шагом в его сторону в нем все сильнее росла надежда. Надежда, которой, как он в глубине души понимал, не суждено оправдаться, и от которой он всеми силами старался избавиться.

Но сейчас, когда он находился здесь, он не мог отогнать от себя мысль, что, может быть, это все-таки не Теодор. Что хоть и маленький, но шанс есть. Что его шведский номер удостоверения личности перепутали с датским. Или что это просто кошмарный сон, который должен закончиться в ту же секунду, как он взялся за ткань, собрался с духом и откинул ее в сторону.

Теодор выглядел так, как всегда во сне. Закрытые глаза и то самое умиротворенное сияние, от которого все мышцы у него на лице расслабились. От которого ему захотелось разбудить его, осторожно поцеловав в лоб. Как ему всегда хотелось делать, с тех пор как он стал отцом. Черт с ним, что маленький организм мучился от коликов, и каждый час бодрствования превращался в пытку.

И сейчас он тоже хотел его разбудить, и так, будто это движение настолько укоренилось в его сознании, что не поддавалось контролю, он наклонился к Теодору, который, точно как в детстве, выглядел, словно во сне освободился от всякой боли.

После ничто уже не могло быть как раньше. Холод, который ощутили его губы, разлился по нему и изменил все. Все сомнения исчезли, осталось только осознание, что его сына, его собственного любимого сына больше нет.

Слез, однако, не было. Как он ни пытался их вызвать, горе как будто было заблокировано и не впускало его к себе. Но Соня с Матильдой плакали. Он видел блестящие у них на щеках слезы и где-то очень отдаленно мог его слышать. Горе – перелившееся через край и хлынувшее наружу.

Он подошел и обнял их. Прижал к себе как можно ближе, чтобы утешить, но и чтобы попытаться почувствовать то же, что и они. Ничего не вышло. Он совершенно отсутствовал. Теперь он ощущал это. Сильнее, чем когда-либо. Он должен узнать. Как полицейский, он должен точно узнать, что про-

изошло.

– Как он умер? – спросил он, выпустив из объятий Соню с Матильдой.

– Фабиан, ты же все знаешь, – сказала Комаровски. – Я тебе рассказала по телефону.

– Да. Но я хочу услышать это от него. – Он подошел к врачу. – Ведь, наверное, вы проводили осмотр?

– Да, это так. Меня зовут Франк Бент Нильсен, и я судмедэксперт здесь, в больнице.

– И мой очень простой вопрос таков: как умер Теодор?

– Фабиан, это правда так необходимо? – спросила Соня.

– Да, – ответил он. – Увы, – и затем снова повернулся к врачу.

– Ваш сын повесился.

– Где? Где он повесился?

– Ну, папа, хватит!

– Матильда, я сам разберусь. Я спросил, где конкретно повесился мой сын?

– В своей камере, – ответил плотный мужчина и протянул руку. – Флемминг Фриис. Я отвечаю за изолятор в Хельсингере, и хочу сначала выразить вам свои глубочайшие соболезнования. То, что произошло, – ужасная трагедия. Не только для вас, но и для всех нас, кто здесь работает.

– Значит, он повесился у себя в камере. А как конкретно это произошло?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что он использовал. Как я понимаю, вы не пропускаете веревки или что-то подобное, что...

– Фабиан, вот сейчас уже хватит! – перебила Соня.

– Любимая, прости, но я должен знать, что произошло. Как так могло получиться, что молодой мужчина, за которым велось наблюдение, как будто он уже осужден за убийство, мог повеситься у себя в камере.

– Фабиан, мы конечно получим ответы на все вопросы. – Коморовски подошла к нему. – Но сейчас не подходящий момент. Мы здесь, только чтобы...

– Ядвига, я знаю, зачем мы здесь.

– Простите, – Флемминг Фриис поправил очки и шагнул к нему. – Я хорошо понимаю, вам нужно знать, что произошло. Вы полицейский и, конечно, должны знать все. Проблема в том, что мы еще не закончили наше расследование.

– Нам пришлось ждать больше трех суток, чтобы нам просто разрешили приехать и увидеть его, целая вечность в нынешних обстоятельствах, а вы все еще не знаете, что произошло?

– Что нам точно известно – он разорвал свою простыню на длинные полосы и сплел из них веревку.

– Пожалуйста, – покачала головой Соня. – Неужели мы должны об этом слушать?

– Дорогая, можете выйти и подождать снаружи. Так будет лучше. Я приду, как только закончу. – Он снова повернулся к Флеммингу Фриису. – Продолжайте.

– Затем связал два конца вместе, поднял кровать и при-
слонил ее к стене, после чего...

– Подождите. Поднял кровать? Как он мог это сделать?
Она же, наверняка, как в других тюрьмах, прикреплена к сте-
не.

– Это верно, и это правда должно быть невозможно.
Но каким-то образом он завладел гаечным ключом. Таким
шведским ключом.

– Он имеет в виду разводной ключ, – сказала Коморовски.

– Совершенно верно, и как это произошло, нам пока неиз-
вестно, – пожал плечами Фриис.

– А потом? Что он сделал потом?

– Ну, он привязал веревку к одной из верхних ножек кро-
вати и вокруг своей шеи. В конце он просто сел, и в таком
положении мы его и нашли.

Несмотря на то, что это было совершенно немыслимо,
объяснение звучало довольно правдоподобно. Да и почему
такое действительно не могло случиться? Что ему на самом
деле взбрело в голову? Что кто-то что-то скрывает? Все они
знали, что Теодору долгое время было плохо. Но то, что он
настолько отчаялся, что втайне совершил все приготовле-
ния, чтобы наконец довести дело до конца, стало для всех в
тюремном шоке.

– У вас есть еще вопросы? – продолжил Фриис.

Фабиан покачал головой. Его переполняли вопросы, но он
не мог сформулировать ни один, поэтому взял за руку Соню

с Матильдой и повернулся к двери.

– Мы узнаем больше после самого вскрытия, если есть еще что-то. Так вот обстоит дело. Так что лучше дождаться его результатов.

– Конечно. – Коморовски пожала Фриису руку. – Договорились.

То ли дело было в руке Флемминга Фрииса, которая начала трястись, или в немного нервном взгляде врача. Или в едва заметном изменении тона голоса.

– Хорошо, тогда договорились.

Так или иначе, внутри него включились все сигналы тревоги и призвали его остановиться и вновь обернуться.

– Дорогой, что такое? – услышал он за спиной голос Со-ни. – Нам пора.

Но он был не в силах реагировать на ее слова. Сейчас. Это слишком важно.

– Извините, но разве вскрытие еще не проводилось? Ведь прошло больше трех суток.

– Проводилось, но только клиническое. Для полной уверенности нужна еще судмедэкспертиза.

– О'кей, – перебил Фабиан. – Но в таком случае считаю, что лучше ее провести в Швеции. Так что мое предложение – мы забираем Теодора.

– Увы, это невозможно, – покачал головой Фриис и снова поправил очки. – Его экспертиза должна быть проведена здесь в...

– Нет, он пробыл у вас уже достаточно долго. – Он зашел обратно в помещение. – И я говорю не только о последних сутках, а о последнем месяце целиком. Целый месяц, когда вы не могли предъявить ни одного конкретного аргумента, почему суд откладывается. Не так ли, Ядвига, разве не так? – Он повернулся к Коморовски, которая кивнула в ответ.

– Да, но тут дело больше в прокуроре. Не в...

– Прошу прощения, но мне насрать на то, в ком тут дело. С меня хватит. Слышите? Все, хватит! – Он направился к носилкам и услышал, как заплакала Матильда, а Соня стала ее утешать. Но несмотря на то, что уже слишком поздно, другого пути не было.

– Но послушайте, – сказал Фриис, идя за ним. – Трагедия произошла в Дании...

– Нет, это вы меня послушайте. – Фабиан повернулся к Фриису. – Мой сын прибыл сюда добровольно в качестве свидетеля. Чтобы помочь вам вынести приговор исполнителям. Вы отблагодарили тем, что схватили его и обращались с ним, как с еще одним подозреваемым. Теперь пришло время, чтобы он отправился домой с нами.

– Я вас понял, но это невозможно. Мы должны содержать его здесь, пока не будем полностью...

– Говорите, что хотите, мне все равно. Я больше его здесь не оставляю. Я понятно объясняю? – Фабиан схватился за каталку и ногой разблокировал тормоз.

– Фабиан, послушайте. – подошла к нему Коморовски. –

Вы же понимаете, что мы не можем просто так мешать им проводить свое расследование.

– Я им не доверяю. Здесь что-то не так, и я собираюсь разобраться, что конкретно.

– Пойдем, Матильда, – Соня приобняла плачущую Матильду. – Пойдем. – Они вместе вышли в коридор.

– Фабиан, прошу вас. – Коморовски положила руку ему на плечо. – Попробуйте успокоиться. Это ни к чему не приведет. Вы сами знаете не хуже меня.

Фабиан покачал головой. Успокаиваться он не собирался. Нельзя сдавать назад даже на миллиметр. Ему это очевидно как никогда. Их реакции, их неуверенные взгляды. Что они так же, как он, знают, несмотря на все правила и регламенты, что правда на его стороне.

Новость появилась на домашней странице «Экстра бладет» всего пару минут назад. Однако она не преподносилась как нечто масштабное. Опубликовали ее скорее неохотно. Как будто на самом деле это не серьезная новость, а просто очередное событие, о котором они вынуждены проинформировать.

«Два тела найдены у полуострова Рефсхалеен», гласил сухой заголовок. Далее короткий текст сообщал, как ранее сегодня утром женщина, отправившаяся на водную прогулку на каяке со своим парнем, обнаружила на дне машину с мертвыми женщиной и мужчиной. Единственный снимок был сделан с большого расстояния, на нем – белый автомобиль, оцепленный следственной группой.

Дуня хорошо понимала, почему в «Экстра бладет» предпочли отдать настолько больше места материалу о том, как избежать развода во время отпуска в кэмпинге. Новость про найденные тела в Копенгагене представляла примерно такой же интерес, как Химмелбьергет – одна из высочайших точек Дании высотой 147 метров над уровнем моря.

Все же что-то внутри нее откликнулось на новость. Что-то, что заставило ее много раз перечитывать немногословный текст и внимательно рассматривать фотографию в попытках добыть больше информации. Но единственное, что

ей удалось выудить, это то, что один из мужчин на снимке напоминал Яна Хеска, а также то, что расстояние от машины до оцепления было необычайно огромным.

Та же картина наблюдалась и на других сайтах. Размытая фотография с большого расстояния и два коротких абзаца. Можно подумать, что новостные сайты соревнуются в аскетизме.

На самом деле все это прозрачно намекало на полицейскую секретность – тактику, которую они использовали, когда по какой-либо причине дело оказывалось особенно щекотливым. Но Дуню не обманешь. Само собой разумеется, поэтому-то Слейзнер так рано проснулся и отменил все встречи.

– О'кей, объект в пути, – произнес Фарид, не спуская глаз с одного из мониторов, где по карте двигалась красная точка.

– Объект, – покачал головой Цян. – Почему бы нам не называть его просто Слейзнер?

– Потому что так не делают. Особенно когда речь идет о нескольких людях. Тогда необходимо обозначать их как объекты 1, 2, 3 или А, В, С, чтобы окончательно не запутаться.

– Но сейчас здесь же только один.

– Откуда ты знаешь? Почти все говорит о том, что появляться еще как минимум двое и, кто знает, может, еще больше.

– Да, поэтому нам невероятно повезло, что у него есть имя. Конкретно – Слейзнер.

Фарид вздохнул и покачал головой.

– Фарид, – обратилась к нему Дуня. – Лучше расскажи, где он находится.

– Он только что припарковался на улице Амалиегаде и теперь направляется пешком через площадь Санкт Аннэ Пладс в сторону ресторана Zeleste.

– Один или с кем-то?

– Сложно сказать, когда он движется. С точностью до метра можно локализовать только его мобильный.

– Во всяком случае, он ни с кем не разговаривает, – сказал Цян в наушниках. – Ни с человеком, ни с объектом. – Он смотрел на темный монитор, где свет слабо мелькал только в верхнем левом углу.

– Можно послушать? – спросила Дуня.

– Конечно! Но там ничего интересного. – Цян поднял ползунок регулировки звука, и затем стал слышен шипящий звук, указывающий на то, что мобильник Слейзнера лежал в кармане.

– Теперь он в ресторане. – Фарид увеличил карту, на которой продолжала двигаться красная точка. – И, похоже, его провожают к столику во внутреннем дворике.

– Отлично! В таком случае можно надеяться, что связь будет ловить, – сказал Цян.

– А что у него с зарядкой на телефоне? – спросила Дуня.

– Семнадцать процентов, но насколько этого хватит...

– Сейчас он, по крайней мере, остановился, – перебил Фарид.

– О'кей, значит, видимо, сел, – сказала Дуня, нетерпеливо переводя взгляд с одного монитора на другой.

Красная точка на карте теперь полностью остановилась, а в углу монитора перед Цяном пропали слабые проблески света. Даже шипение больше не раздавалось из колонок. Другими словами, не происходило ничего – только секунды превращались в минуты.

С тех пор, как они обнаружили у Слейзнера бронь столика на троих, она ждала именно этого момента. Но только сейчас она поняла, что понятия не имеет, чего ожидать, кроме того, что что-то должно произойти. Зачем еще тогда ему понадобилось бы помечать это в рабочем календаре как визит к стоматологу?

– Нет, так дело не пойдет, – сказала она через пару минут. – Нужно что-то делать. Фарид, насколько точно мы можем определить расположение других мобильных вокруг него?

– Учитывая, что, в отличие от мобильного Слейзнера, у них нет GPS-приемника, то я бы предположил точность примерно в десять-двадцать метров.

– О'кей, сделай список всех, кто неподвижен, в радиусе пятнадцати метров от слизняка.

Фарид кивнул и откатился на соседнее рабочее место, где включил еще один компьютер.

– Слизняка, – повторил Цян, настраивая звук, – Может, нам его так и называть?

Он прибавил громкости, и теперь в колонках были различимы голоса. Правда только тихое бормотание без возможности уловить конкретные слова.

Дуня подошла к Цяну и наклонилась к колонке.

– Ты слышишь, о чем они говорят?

Цян покачал головой.

– Но ведь так не пойдет. Нам нужно вынудить его достать телефон из кармана, иначе мы все пропустим.

– И как ты собираешься это устроить? – спросил Фарид, сидевший перед монитором, где на увеличенной карте территории вокруг ресторана Zeleste располагалось большое количество мобильных номеров. – Позвонить ему и попросить положить телефон на стол? Привет, Ким, это Дуня. Не мог бы ты...

– Есть идея! – перебил Цян, переведя взгляд на верхний монитор, где транслировался экран мобильного Слейзнера. С помощью мышки он вошел в контакты, отыскал имя Вивеки Слейзнер и щелкнул на номер, после чего на него пошел звонок.

– Ты в этом уверен? – спросила Дуня, пока из колонок раздавались гудки.

– Не-а, – ответил Цян, качая головой.

– Да, что ты хотел? – послышался усталый голос экс-супруги Слейзнера, пока Цян подключал на мобильнике громкую связь. – Алло? – продолжала Вивека. – Ким, я знаю, что это ты, а ты знаешь, что я предпочитаю вести с тобой

коммуникацию через наших адвокатов.

– Вивека, это ты? – через некоторое время услышали они разборчиво и четко голос Слейзнера. – Что ты хотела? Мне не очень удобно...

– Что я хотела? Это же ты мне звонишь!

– Правда? Извини, видимо, случайно нажал в кармане. Пока!

Раздался щелчок и разговор закончился.

На экране, который раньше был абсолютно темным, теперь появились части фахверкового фасада внутреннего двора и защищавший от солнца раскрытый парус. Вдобавок в колонках стал четко различим гул ресторана и голоса.

– И вот мобильник – на столе! – воскликнул Цян и встал с места для маленького победного танца.

– Очень круто! – сказала Дуня. – Ну, не танец, а...

Фарид шикнул на нее, прося тишины, и прибавил громкости.

– Прошу прощения, на чем мы остановились? – услышали они голос Слейзнера.

– Ты сказал, что назначил Яна Хеска руководить расследованием, – послышался мужской голос. – Если быть совсем честным, я бы предпочел, чтобы ты сам... Звук затрещал, а затем исчез полностью.

– Нет, только не сейчас. – Дуня повернулась к Цяну. – Пожалуйста, сделай что-нибудь.

– У него осталось всего семь процентов заряда на телефо-

не.

– Семь? Ты же только что говорил про семнадцать?

– Да, но сейчас семь. – Цян открыл приложение камеры. – Попробую выключить камеру.

Монитор с желтым фахверковым фасадом и кусочками неба потемнел.

– *Еще в прошлый раз был перебор, – снова раздался голос Слейзнера. – Даже одно только намерение это повторить означало бы слишком высокие риски. Так просто нельзя. С учетом сказанного, можешь быть совершенно спокоен. Я полностью доверяю Хеску и уверен, что он сработает тонко.*

– Как мне, черт возьми, быть спокойным после...

– *Но послушай меня сейчас, – перебил Слейзнер. – То, что совершил, или не совершил Клинге, не имеет к нам никакого отношения, о'кей? Это на его совести. Обещаю, что как только расследование завершится, все сможет вернуться на круги своя.*

– Клинге, – повторила Дуня. – Слышите звоночки?

Фарид и Цян покачали головами.

– *Проблема в том, что им нужно лишь немного поскрести по поверхности...* – продолжил третий голос, прежде чем снова появились помехи. – ... *тесные контакты Могенса не только с полицией, но и со всей судебной системой.*

– Могенс. Могенс Клинге, – повернулся к остальным Фарид. – Это не он работал в полицейской разведке?

– Это объясняло бы, почему они все засекретили, – сказала Дуня.

– *В сухом остатке мы всего лишь полицейская организация, которая должна выяснить, что произошло, – раздался голос Слейзнера. – Если спросите меня, то тут все довольно очевидно, и уверяю вас, так же будет и для Яна Хеска.*

– *Ты много чего обещаешь. Иногда даже слишком много. Вспомни, как все прошло тогда...*

– *Послушай, я знаю Хеска, – перебил Слейзнер. – Он исполнительный дурак, который сделает все так, как от него ожидают. Один плюс один равно два. Не больше, не меньше. Поверь мне.*

– *Да, это твои слова. Ты их повторяешь снова и снова, как будто так они станут убедительнее. Но ты должен зарубить на носу одну вещь...* – голос снова прервался и стал неразборчивым, утонув в цифровых помехах.

– Ну, эй, можно что-нибудь сделать? – Дуня повернулась к Цяну. – Мы же все пропустим!

– Что я могу сделать? Мобильник почти сел. На нем меньше двух процентов, и он может выключиться в любой момент.

– Откуда мне знать. Попробуй выключить все остальные приложения.

– Это не поможет. Это только...

– Плевать, все равно выключи. Главное, сделай что-нибудь.

– *Якоб, я уже спасал тебя однажды и не буду...* – внешне слышался голос Слейзнера, а потом снова исчез.

Дуня обернулась к Фариду.

– У нас есть какой-нибудь Якоб в радиусе пятнадцати метров?

Фарид открыл поиск в растущем списке мобильных номеров и имен.

– *Он отчитывается мне напрямую, так что у меня все под полным контролем, о'кей? Под полным контролем,* – стал различим голос Слейзнера сквозь треск. – *Все устаканится.*

– Здесь их на самом деле трое, – сказал Фарид. – Один Якоб Ларсен, один Санд и один Бреннум.

– Якоб Санд – это не тот сказочно богатый предприниматель? – спросил Цян.

Дуня кивнула. Для нее не было ничего удивительного в том, что Слейзнер водил дружбу со свиньей-нуворишем, походившим на женщин, которых он обыгрывал в покер.

– *Еще кое-что, прежде чем мы закончим,* – снова услышали они более-менее разборчивый голос Слейзнера.

– Сколько зарядки осталось?

– Все еще два процента, так что, может, это все-таки помогло.

– *То, о чем мы говорили в последний раз. Ты разобрался с этим?* – И голос снова исчез. Но не из-за треска. Звук заглушила компания по соседству, разразившаяся громким сме-

хом. – *Ну, знаешь, то, чтобы обнародовать...* – Очередной приступ смеха помешал что-либо расслышать.

– Так не пойдет, – Дуня достала телефон и позвонила.

– Что ты делаешь? – спросил Цян, пока шли гудки. Но она успела только приложить палец к губам.

– Добро пожаловать в ресторан Zeleste! – поприветствовал женский голос на другом конце трубки. – Чем могу помочь?

– Как я понимаю, у вас тихий элитный ресторан. По крайней мере, чего-то подобного я ожидала, когда сюда пришла.

– То есть вы сейчас сидите здесь, за столиком?

– Что я делаю не важно. Речь о компании в паре столиков от нас во дворике. Учитывая, как они шумят и ведут себя, должна сказать – странно, что вы еще не вышли и не проинформировали их, что здесь не какой-нибудь палаточный лагерь на фестивале в Роскильде.

– Хорошо, я выйду и поговорю с ними.

– Отлично! Значит, возможно, скоро я смогу снова прислушаться к собственным мыслям. – Дуня закончила разговор и услышала, как соседняя компания стала менее шумной.

– *Дело в том, что должны быть готовы все документы,* – стал различим голос, который они все еще не могли идентифицировать. – *Ты ведь просишь не о маленькой бумажке.* – Вопрос заключался в том, много ли и, прежде всего, что конкретно они пропустили.

– *Я бы предпочел, чтобы это было обнародовано как*

можно скорее.

– Да, я понял. Но тебе придется набраться терпения до полуночи завтра. Раньше никак не получится. Чтобы это не ударило по нам самим, нужно все сделать аккуратно.

– Само собой. Я только беспокоюсь, что... – И звук снова исчез.

Дуня вздохнула и повернулась к Цяну.

– Не смотри так на меня. Что я блин должен сделать? – воскликнул Цян. – Это все аккумулятор...

Дуня закрыла ему рот рукой.

– ... может стать значительно более серьезной проблемой, чем Клинге, – слышали они Слейзнера сквозь треск.

– Ким, мне все это уже поперек горла, и если хочешь знать мое мнение, ты одержим. Но дело твое. Завтра в полночь это будет обнародовано. Ни раньше, ни позже.

Голос снова пропал в помехах.

Потом исчезли и они.

Осталась только тишина.

Горе было необъятным. Черной, всепоглощающей бездной, которая делала его таким хрупким, что он мог сломаться от легкого удара по больному месту. Но прежде всего оно было высохшим. Горе, лишенное тех эмоций, которых от него ожидали. Которые он должен был чувствовать.

Он предпринимал попытки их разблокировать, вспоминая все совместные приятные моменты с Теодором. Как когда он учился кататься на велосипеде и делал первые шаги в плавании. Или забирался к ним в кровать, когда ему снились кошмары с Дартом Вейдером. Совместные игры и веселье. Все, что у них было до того, как стало плохо. Но ничего не помогало.

Даже тогда, когда он сидел в той датской скорой, положив руку на холодную грудь Теодора и глядя на его лицо, взявшее лучшие черты от него и Сони. Даже тогда он не чувствовал ничего, кроме желания разобраться в том, что на самом деле произошло в датской тюрьме.

Он прекрасно осознавал, что поступает неправильно. Что ему следовало бы поддаться естественному и логичному ходу вещей, остаться дома, позаботившись о Соне с Матильдой. Уже сейчас у него не было иллюзий о том, что позже он пожалеет об этом. Когда будет поздно и все будет потеряно. Но, несмотря на свои желания, больше ни на что он не был

способен.

Скорая затормозила перед зданием из красного кирпича с выходящим на улицу фронтоном.

– Так, вот мы и на месте. Улица Трактерсгатан, 38, – сказал датский водитель скорой, выглянув в окно на стоявшие вдоль дороги старые коттеджи. – Правда, не похоже на больницу.

– Нам нужно сначала забрать судмедэксперта, – ответил Фабиан и нашел в мобильном номер.

После долгой дискуссии с угрозами отдать их всех под суд в Швеции ему удалось уговорить датчан провести вскрытие для судмедэкспертизы в Хельсингборге вместо Хельсингера.

– Эйнар Грейде, судмедэкспертиза, – произнес автоответчик Косы. – И да, вы все правильно поняли. У меня сейчас нет времени разговаривать с вами по телефону. И нет, слушать ваше сообщение тоже.

Фабиан вышел из скорой и потянулся. В двадцати метрах стояли парни, ровесники Теодора, со скейтбордом под мышкой, и смотрели то на него, то на датскую скорую. Он кивнул им и пошел к дому Косы.

Однажды он уже там бывал, и точно как тогда, его вдруг осенило, как он на самом деле мало знал о своем коллеге из отделения судмедэкспертизы. То, что он особенный, Фабиан понял сразу, при первой встрече. Вязаные штаны в красно-белую полоску и косички, каждая из которых олицетворяла жертву в актуальном расследовании. Один из лучших

патологоанатомов Швеции, специалист высочайшего класса.

Больше он о нем практически ничего не знал, потому что Эйнар «Коса» Грейде прежде всего обладал железной принципиальностью. Он как никто умел отделять работу от частной жизни. Там проходил водораздел, и два мира не должны были сталкиваться ни при каких обстоятельствах. Поэтому ему без проблем удавалось выключать мобильный на время всего отпуска.

За калиткой, а также на въезде в гараж были припаркованы три десятка велосипедов. Всякие разные: от грузовых с тремя колесами и пацификами до удлинённых лежачих велосипедов. До него доходили слухи, что в свободное время Коса много катается на велосипеде и что десять лет назад он доехал до Дюссельдорфа, чтобы поучаствовать в велогонке. Но все равно казалось маловероятным, что он владеет таким количеством разных велосипедов.

Он прошел в калитку, преодолел грунтовую дорожку и, подойдя к входной двери, позвонил в нее. За густой листвой слышались разрозненные голоса, и он задумался, что, может, стоило подождать, пока гости разойдутся, а Коса останется в одиночестве.

Дальше размышлений это зайти не успело. Дверь открыл мужчина с голым торсом и разноцветным напитком в руке. В то же время включилась ритмичная электронная музыка, басами пробиваясь сквозь растительность и дальше по кварталу. Полуденный час очевидно не мешал веселью.

– Коса дома? – спросил он.

– Что? – спросил мужчина по-английски.

– Коса, – повторил Фабиан. – Дома?

– Да заходи уже, – перебил мужчина и скрылся в толпе.

Фабиан направился вслед за ним и начал разглядывать празднующих мужчин и женщин от двадцати до чуть ли не старше восьмидесяти. В другой реальности все это могло бы его захватить. Сейчас давка под аккомпанемент тяжелых басов вызывала у него клаустрофобию.

Он протиснулся сквозь танцующую толпу, мимо барной стойки, где мужчина и женщина с одинаковыми прическами, одетые в обтягивающие и не менее блестящие комбинезоны, смешивали напитки. Тут и там на диванах и на островках из напольных подушек полулежали гости в бикини и плавках, они либо смеялись, либо целовались, либо спали.

Он не понимал, как они могут смеяться. Как кто-то мог позволить себе в чем-либо находить радость. Ему хотелось отыскать рубильник и отключить ток. Крикнуть им, чтобы они оставили его в покое и укатили отсюда на своих велосипедах, чтобы он в тишине и покое смог найти Косу.

В саду за домом из замаскированных колонок тоже пульсировал ритмичный электронный твист. Но здесь громкость была чуть ниже и дышать было значительно легче, хоть и на газоне гостей было немало.

Тут он увидел Косу. В сандалиях, объемных, цвета слоновой кости, штанах алладинах, длинной рубаше и в розо-

вом боа из перьев на шее он стоял за диджейским пультом и размахивал длинными до плеч седыми волосами, в которых, редкий случай, не было ни одной косички.

Фабиан направился к нему, но не успел до него добратся, как Коса обернулся, чтобы выбрать пластинку из своего собрания винила, и увидел его.

– Фабиан? – замер он на полпути.

– Коса, знаю, что у тебя...

– Фабиан, Фабиан, – перебил Коса и его лицо озарила улыбка. – Все в порядке. Не помню, чтобы приглашал тебя, но из всех членов команды тебе я всегда рад. Так что просто расслабься, разденься и выпей что-нибудь.

– Спасибо, но... Коса, прости, но я здесь не для того чтобы...

– Хочешь составить компанию и побренчать? Мм? Маленький баттл. Ты же меломан, насколько я понимаю. Кстати, а эту знаешь? – Он повернулся к пульту и прибавил громкости. – «2 hearts» от «Digitalism»⁴. Потрясающе!

– Коса, – Фабиан подошел к нему. – Я здесь, потому что мне нужна твоя...

– Подожди, мне нужно только... – Коса наклонил голову так, чтобы прижать одно ухо к висевшим на шее наушникам, в то время как привычным движением поставил иглу в нужное положение и включил сингл «Musique Non Stop» группы

⁴ Немецкая группа, основана в 2004 г. в Гамбурге Йенсом Мелле и Измаилом Тюфекджи. Играют в основном клубную, электронную музыку.

«Kraftwerk»⁵.

– Ну, вот это ты должен знать. – Коса вновь обернулся к Фабиану. – Знаешь, что я приятельствую с Ральфом Хуттером, и я один из немногих людей со стороны, кто бывал в студии «Клинг Кланг»? – Он покачал головой. – Скажи, гений.

– Коса. – Фабиан взял его за плечи и заглянул в глаза. – Я здесь, потому что мне нужна твоя помощь.

Улыбка исчезла с лица Косы.

– И почему я даже не удивлен? Конечно же, тот факт, что у меня разгар отпуска и что в честь этого я устроил вечеринку, роли не играет.

– Если бы были другие варианты, я бы не стал тебя спрашивать. Надеюсь, ты понимаешь. Ты выпивал?

– Что, алкоголь? – Коса взглянул на него с отвращением. – Ты с ума сошел? Я не пил с четырнадцати лет. Фабиан, в чем там дело? Нельзя спросить Арне Грувессона? О'кей, может, он не самый ритмичный на свете барабанщик. Но он на месте, и, поверь мне, только и ждет чего-то интересного, чтобы...

– Коса, прошу тебя, – перебил Фабиан. – Это не новое дело. Речь о моем сыне. Понимаешь? Моем родном сыне.

Коса остолбенел и не спускал глаз с Фабиана, силясь по-

⁵ Немецкий музыкальный коллектив, основан в 1968 г. в Дюссельдорфе Флорианом Шнайдером и Ральфом Хюттером. Играют преимущественно электронную музыку.

нать, серьезен ли он. Потом кивнул и стянул с себя боа.
– Давай, поехали.

Ян Хеск никогда не понимал, почему чуть ли не каждый житель Копенгагена в определенный момент жизни мечтал пожить в Картоффельэрэкерне – районе с почти пятью сотнями краснокирпичных коттеджей в самом центре города. Изначально дома здесь строились для рабочих с больших картофельных полей, отсюда название. Теперь дома там стояли целое состояние и были мало кому доступны, хотя комнаты в них оставались такими же тесными, а потолки такими низкими, что из чувства самосохранения приходилось нагибаться всем, чей рост превышал 185 сантиметров.

Но там, несомненно, царил идиллическая атмосфера маленького города, и это он был вынужден признать, когда вышел на улицу Йенс Юельс гаде, припарковав машину за углом. Одни дети пинали мяч посреди улицы, другие – играли в классики, а за накрытыми столами с тортом и кофе в тени раскрытых зонтиков большая компания отмечала день рождения.

Этот район больше всего славился добрососедскими отношениями. Тем, как жители ладили и жили одной большой семьей, состоящей из успешных художников, журналистов и разных высокопоставленных людей, таких как, например, Могенс Клинге.

Хеск прошел мимо празднующих день рождения, гул го-

лосов которых стих как по команде и сменился удивленными взглядами ему вслед. Вероятно, Клинге тоже был приглашен, а теперь, когда он не пришел, они начали подозревать неладное. И кто знает? Может, кто-то из них имел свои интересы. Как только он закончит осмотр дома, ему нужно будет обязательно поговорить с каждым по отдельности.

Пять лет назад жена Клинге скончалась от рака груди. Он узнал это из найденных интервью с Клинге. В газете «Остербро Авис» он рассказывал, как ему одиноко со своим горем, так как у него нет ни детей, ни сестер с братьями, и что он никогда бы не пережил эти тяжелые времена, если бы не потрясающие соседи.

В одиночку или нет, но так или иначе он продолжил ухаживать за маленьким участком перед домом под номером 38. В противоположность многим соседским участкам, где обветшавшая уличная мебель давно требовала смазки, а природа уже частично захватила фасады, у него было чисто и красиво. Вдобавок дерево перед домом было подстрижено, а забор недавно покрашен белой краской.

Надев перчатки, он достал связку ключей, найденную Хеммером в автомобиле, открыл дверь и вошел в дом. Внутри стоял затхлый запах, так что он оставил дверь приоткрытой и прошел в гостиную, которая олицетворяла то, почему он никогда бы не смог здесь жить.

Хотя, вероятно, это была самая большая комната в доме, на маленькой площади располагалось слишком много ве-

щей. Там было по-своему мило и уютно, но он не мог избавиться от ощущения, что попал в кукольный дом.

Мортен Хейнесен предлагал поехать вместе, но он хотел сам с этим разобраться. Не потому что они не были командой или не могли друг другу помогать. Он был бы только рад. Дело было в том, что в этот день он, в общем и целом, ничем не отличился. Ему нужно что-то, чем он мог бы завоевать их доверие.

Хейнесен уже доверял ему. Но вот другие, Хеммер и Бернсторфф, – не важно, что они говорят, и сколько кивают. Если ему не удастся в скором времени найти интересную зацепку или, по крайней мере, предложить теорию, которая еще никому не приходила в голову, то не пройдет много времени, как они перестанут слушать и начнут принимать собственные решения у него за спиной.

Проблема заключалась в том, что у него было совсем плохо с идеями. Он понятия не имел, что ищет. В глубине души он надеялся получить ответы на блюдечке, едва войдя в дом. Обратить внимание на что-то, что помогло бы ему быстро продвинуться вперед в расследовании так, как они все того желали.

Но обводя взглядом комнату, он ничего такого не замечал. Ничего, кроме горы книг в книжном шкафу, пары пейзажей на стенах, стопки газет, темно-синего тканевого дивана, просиженного кресла перед телевизором и цветочных горшков на подоконниках.

Может, с ним что-то не так. Может, тут полно зацепок и ответов, если просто обладаешь способностью анализировать увиденное.

Как то обстоятельство, что в книжном шкафу по большей части стояла публицистическая литература и биографии и не было практически ничего художественного. Хорошо известно, что женщины читают больше художественной литературы, чем мужчины. Но знак ли это того, что Клинге избавился от всех книг жены? И значило ли это, что он горевал о ней не так сильно, как хотел продемонстрировать? Вел ли он просто-напросто двойную жизнь с другими женщинами? Или так вышло, что его жена не интересовалась художественной литературой? А прежде всего – имело ли это хоть какое-то значение для расследования?

Ответ состоял в том, что он понятия не имел. Все представляло собой лишь большой поток информации, который только усиливал его головную боль и вводил в еще больший стресс.

В глубине души так он ощущал себя на протяжении всей карьеры в полиции, но еще никогда это не проявлялось настолько ярко. То, как, например, в отличие от шведского следователя Фабиана Риска, в нем отсутствовало стремление любой ценой раскрыть дело и добиться ареста преступника. Конечно, он тоже хотел, чтобы виновный получил наказание. Но не это было в центре его внимания все годы. Вместо этого он был озабочен тем, чтобы сделать все правильно и поста-

ратся никому не перейти дорогу, чтобы в будущем добиться повышения.

Другими словами, он был фейком. Фальшивкой, которой удавалось обманом продвигаться вперед из одного расследования в другое. Единственным его талантом было сидеть на встречах и делать вид, что все под контролем, и что он знает, о чем говорит. Это умение достигло такого совершенства, что иногда он даже сам в это верил.

А теперь он стоял здесь, в углу, куда сам себя загнал, не важно, фейк он или нет, но только он мог продвинуться дальше, и по пути обратно в коридор и на второй этаж по лестнице, он пытался убедить себя, что все-таки расследование не стоит на месте.

Они установили личность Могенса Клинге и нашли множество зацепок, указывавших на то, что кто-то третий или даже несколько человек замешаны в убийствах. Женщину они пока не идентифицировали, но благодаря ее шраму в форме креста это было лишь вопросом времени. Вдобавок они вели расследование всего один рабочий день. Он сам, конечно, надеялся на более быстрое развитие событий. Так он думал утром. Сейчас он разобрался, и, в отличие от Слейзнера, осознавал, что это займет время.

Он открыл одну из дверей в коридоре на втором этаже и вошел в спальню, меблированную двуспальной кроватью с тумбочками по обеим сторонам, парой шкафов и настенным телевизором.

Следов, что именно здесь Клинге занимался с той женщиной сексом, прежде чем засунуть себе в рот дуло пистолета, не наблюдалось. Крови не было ни на стенах, ни на ковролине или покрывале.

Он ничего такого и не ожидал увидеть. Картоффельрэкерне с его великолепными добрососедскими отношениями был не тем местом, где домой приводят проституток. Также он не был местом, где посреди ночи можно избавиться от двух тел и остаться незамеченным. Нет, убийства могли произойти, где угодно, но точно не здесь.

Он покинул спальню и зашел в соседнюю комнату. Как и прочие, она была перегружена мебелью, но при этом располагала к себе уютным креслом с подставкой для ног. Одну из стен полностью закрывали книги, которые, в свою очередь, обрамляли рабочее место, представлявшее собой старый письменный стол, где стоял лишь стакан с ручками и лежал магнит со скрепками.

Как и внизу в гостиной, на подоконнике стояли цветочные горшки. Здесь в них росли цветущие розовые и красные гибискусы. Не самые простые в уходе цветы, и в Клинге ему было трудно увидеть такого садовода.

Правда, у большинства людей есть стороны, о которых они не распространяются, и на самом деле он сам всегда любил именно цветы во всех их проявлениях. Он имел обыкновение раз в месяц тратить на внушительный букет для Лоне. Предлогом являлось оказать ей внимание и обрадовать,

что, как правило, срабатывало, хотя, прежде всего, цветы он покупал для себя.

Он подошел к креслу и выглянул в окно, посмотрел вниз на небольшой закрытый двор, где стоял накрытый гриль, уличная мебель и сложенная сушилка для белья. От соседей участок отделяла высокая кирпичная стена. Но дверь в углу позволяла беспрепятственно попасть к соседу, и на всякий случай он решил узнать его имя.

На самом деле, его внимание привлек не задний двор, а подоконник. Вернее, серый пластиковый наконечник, выглядывавший из-за цветочного горшка. Ему в голову пришел акулий плавник. Как будто ничем не примечательный кусочек пластика воскресил у него в памяти воспоминания, о которых он даже не подозревал.

Только отодвинув горшок в сторону и увидев старый мобильник «Эрикссон» ярко-желтого цвета, он понял почему. Просто в нулевых его в народе называли не «Эрикссон 310s», а именно «Акулий плавник». Он сам пользовался таким несколько лет и отчетливо помнил, как был им недоволен: слишком большая антенна, из-за которой он не помещался в карман.

Всего десять лет назад он считался шедевром технологий с аккумулятором, заряда которого хватало больше чем на неделю, а еще лет через десять он наверняка станет достаточно ретро, чтобы его стоимость на вторичном рынке превысила первоначальную. Но сегодня он представлял собой

лишь некрасивый бесполезный кусок пластика, который если еще не оказался на помойке, в большинстве случаев лежал в каком-нибудь ящике и пылился. Поэтому странно было, что Клинге держал его на видном месте. Особенно учитывая то, что в машине у него был с собой новый «Самсунг Гэлэкси».

Хеск взял мобильный и отметил, что на нем даже нет пыли. Затем попытался его включить. Движение сохранилось у него в мышечной памяти. Оказалось, что телефон уже включен, и, когда экран загорелся, по символу батареи справа он заключил, что осталась примерно четверть заряда. Кроме того, четыре полоски слева указывали на то, что в мобильном стояла работающая сим-карта.

Телефон был из времен без паролей на всем подряд, поэтому можно было просто переключаться с иконки на иконку и осматриваться.

Помимо множества сервисных номеров в контактах было всего одно имя – Контакт1. Он устоял перед искушением нажать на зеленую кнопку и узнать, на кого он попадет, и вместо этого переключился на список звонков, но там ему оставалось лишь констатировать, что если список не чистили, то с телефона звонили лишь по одному номеру. А вот СМС отправляли в большом количестве.

Первое сообщение со словом «Тест» пришло от Контакт1. А конкретно – 16 апреля в 11:23. Шесть минут спустя Клинге отправил ответную СМС со словом «ОК».

Затем прошло пять с половиной часов, прежде чем он получил целый ряд сообщений.

— Не спрашивай, — внезапно раздался голос с первого этажа. Говорили по-английски. — Может, он просто забыл закрыть за собой.

— Нельзя же вот так просто оставить все нараспашку, — слышалось в ответ.

Хеск огляделся в поисках возможных путей бегства. Балкон отсутствовал, да и его колени и бедра не пережили бы прыжок на плитку. На самом деле, ему следовало просто достать полицейское удостоверение, спуститься вниз и выяснить, что это за люди. Но он был слишком напуган. Впервые за долгое время его тревожило то, чем могла закончиться конфронтация.

И не успев толком поразмыслить, он вернулся в соседнюю спальню и закрылся в одном из шкафов. Он никогда не делал ничего подобного, за исключением игры в прятки с детьми, и сейчас чувствовал полную абсурдность своих действий. Но ничего лучше придумать не мог.

К тому же, он был без оружия. Пистолет, как всегда, лежал в сейфе в управлении, а последний раз он им пользовался в тире прошлой зимой. В действительности он пока ни разу не применял его в поле. Но сейчас ему его очень доставало. Сейчас, когда он сидел в темноте на корточках под вешалками с рубашками и брюками и слышал, как двое мужчин поднимаются по лестнице.

– Мы, должно быть, уже близко, очень близко, – сказал один из них.

– Надеюсь, ты прав, – ответил другой и зашел в спальню. – Это и так уже слишком затянулось.

Сам Хеск задержал дыхание, размышляя, не выскочить ли ему наружу и не попытаться ли побороть посетителя. Ему на руку играл эффект неожиданности. Но это было единственным преимуществом. Все остальное было не в его пользу. Физическое состояние, координация, скорость. Все это у него отсутствовало. Другими словами, шансов у него не было.

Ситуация усложнялась тем, что мужчина подошел ближе. Так близко, что Хеск слышал слабое посвистывание проходящего через ноздри воздуха. Когда мужчина тут же открыл шкаф, сделал он это не аккуратно, а резко дернув, будто ожидая, что кто-то сидит внутри и давит на дверцу.

Не важно, что это оказался соседний шкаф. Через пару секунд распахнут и дверь Хеска, и единственное, что он сможет сделать, – броситься наружу и надеяться на лучшее.

– Здесь, – закричал второй, что заставило первого покинуть спальню. – По крайней мере, так на экране. Это где-то в этой комнате.

– Так ищи. Не стой просто так. Шевелись.

Он слышал, как в соседней комнате выдвигают и опустошают ящики стола, как подвинули кресло и один из цветочных горшков упал на пол.

– Он точно все еще здесь?

– Да. Сам посмотри.

– Ладно, я звоню на него.

– Уверен?

– Есть идея получше? У нас нет на это времени.

Его руки дрожали от страха и не слушались. Но в конце концов ему удалось выудить из кармана старую трубку «Эрикссон» как раз в тот момент, когда она вот-вот должна была пробудиться к жизни. Однако никакого звука издать она не успела, до того как он нажал на красную кнопку и не отпуская ее, пока экран снова не погас.

Коса на беглом датском представился водителю скорой и показал ему дорогу в отделение судмедэкспертизы Хельсингборга. Там на месте он подписал ряд документов, затем они вдвоем подняли черный пакет с телом на одну из каталок, принадлежащих судмедэкспертизе.

Но последние полчаса Фабиан помнил обрывочно. Возможно, он пару раз кивнул в машине скорой. Возможно, нет. Что-то внутри него выключилось и мешало установить любую форму контакта с окружающим миром, а прежде всего, с самим собой.

Когда Коса подошел к своему коллеге, Арне Грувессону, Фабиан видел, что они разговаривают. Но ничего не слышал, кроме обрывков предложений, в которых Грувессон удивлялся, что Косе здесь понадобилось посреди отпуска.

– Просто маленький осмотр, – улыбнулся Коса. – Тебе не о чем беспокоиться. Так что можешь дальше пить кофе и играть в своих «Улиток-убийц» или чем ты там занимался.

В обычной ситуации он бы подошел к ним и взял дело на себя, хорошо понимая несовместимость Косы и Грувессона. Сейчас сил у него не было ни на что, кроме как стоять и наблюдать за коллегами, как будто он медленно проезжает мимо автомобильной аварии.

Как они прошли в помещение для осмотра – он не пом-

нил. Внезапно они оказались в освещенном зале с кафелем на полу и дренажными колодцами, гладкими сверкающими секционными столами под яркими лампами и продезинфицированными инструментами.

Только когда он сунул руки под мешок для трупа и ощутил тяжесть ног Теодора на своих руках, реальность смогла пробиться сквозь все слои защиты.

Его сын мертв.

Он действительно мертв, и ничто никогда не сможет его вернуть.

В морге в Хельсингере его голову наполняли вопросы, на которые он хотел получить ответы. Он был убежден в том, что что-то было не так. Теперь все это улетучилось. Его сына больше нет. Точка, не запятая и не расплывчатый ответ, предполагающий уточняющие вопросы.

На этом история Теодора закончилась.

– Не буду мешать тебе работать. – Он был слишком уязвим, чтобы остаться и наблюдать за осмотром тела своего сына. – Подожду снаружи.

– Забудь. Ты остаешься. – Коса расстегнул молнию на мешке до самого низа, так что тело Теодора стало видно целиком – он лежал на спине с закрытыми глазами и руками на животе. – Обычно со мной здесь работает ассистентка. Но она в отпуске. – Он протянул зеленый рабочий халат.

Фабиан поколебался, но надел халат и помог стянуть мешок, пока Коса приподнимал тело.

Фабиан точно не знал, сможет ли выдержать все вскрытие. Но возможно именно это ему и было нужно. Чтобы принять, что от него больше ничего не зависит. Что ему больше ничего не остается, как поехать домой и позаботиться об оставшейся у него части семьи.

Коса с помощью массивных ножниц уже начал избавляться от одежды на теле. Сначала свитер, затем брюки, каждая нога по очереди, и наконец носки и трусы.

Сам Фабиан сделал бы все, чтобы поменяться местами. Что угодно, чтобы оказаться тем, кто лежит здесь, на холодной металлической поверхности. Вместо того чтобы стоять сейчас рядом и винить себя за каждый вдох.

Если бы не заметные синяки на груди и ниже на корпусе, он бы извинился перед Косой и предложил бы оплатить ему такси обратно на вечеринку. Но что-то внутри него прорвалось.

Он уже знал, что Теодор участвовал в драке, – об этом его проинформировала Коморовски. Они сообщили ей, что его сын немотивированно набросился в столовой на одного из заключенных и оказался виновным в тяжелых увечьях. Но эти серо-синие отметины рассказывали о чем-то совершенно другом. О том, что ему тоже досталось.

Он как раз собирался спросить о них Косу. Когда они появились и насколько сильными должны были быть удары. Можно ли по ним определить, сколько человек их наносили, били ли они ногами или даже использовали какие-то пред-

меты. Но Коса был занят тем, что через лупу рассматривал что-то на правой ладони Теодора.

– Что-то нашел?

Вместо ответа он увидел протянутую руку.

– Пинцет, пожалуйста.

Фабиан подошел к разложенным в ряд на зеленой ткани инструментам, взял один из пинцетов и протянул Косе.

– Видишь? – Коса поднял пинцет между ними. – Видишь острие?

Фабиан кивнул и наклонился, чтобы рассмотреть полусантиметровое металлическое острие.

– А что это?

– Если тебя устроит догадка, то я бы сказал, что это острие от канцелярской кнопки.

– От кнопки? Как она у него оказалась?

– Меня это тоже беспокоит, должен сказать, что тут все немного странно. – сказал Коса, разглядывая ладонь. – Кроме того, вокруг раны есть следы крови, а это говорит о том, что он получил ее, когда был жив. Но давай перейдем к синякам. – Он убрал острие в закрывающийся пластиковый пакетик.

Фабиан кивнул.

– Они сказали... сказали, что он кого-то избил. Они так сказали. Что он инициатор. Так что я сам на него давил... говорил, что он должен взять себя в руки, чтобы иметь шансы в суде.

– Ты делал то, что считал правильным.

– Только не понимаю, почему все молчали. Почему не рассказали, как есть. Даже он сам. Я же туда приезжал и виделся с разными...

– Слушай... – Коса положил руку ему на плечо. – Наверное, лучше будет, если ты поедешь домой, к семье, а я продолжу работу и сообщу тебе, когда закончу.

– Нет, я останусь. Все равно уже слишком поздно, так что лучше я останусь здесь, и я хочу, чтобы ты рассказывал о том, что видишь. О'кей? Ничего не утаивая. Хочу знать все.

Коса со вздохом неохотно согласился и начал изучать синяки на бедрах, корпусе и груди. Затем обеими руками приподнял тело сбоку и перевернул его набок, чтобы обследовать спину, которую тоже покрывали сильные синяки.

– Как видишь, нет сомнений в том, что его били. Вероятно, он лежал на полу и получал удары как ногами, так и руками.

– Орудия были?

– Сложно сказать. Здесь много кровяных подтеков, но они с той же вероятностью могли появиться от обуви со стальными носами. Однако действительно странно, что на предплечьях и голенях никаких следов нет.

– Почему странно?

– Сам посуди. Ты лежишь на земле, тебя пинают и бьют. Твои действия?

– Пытаюсь защититься.

– Вот именно. Сворачиваешься в позу эмбриона и уменьшаешься в размерах, насколько возможно, что в результате так или иначе всегда приводит к травмам как раз предплечий и голеней. Проблема для преступника в том, что следы заметны, если, как в изоляторе Хельсингера, заключенные там носят рубашки с коротким рукавом.

– То есть их было больше одного.

– Я бы сказал, минимум трое.

– Двое держали за руки и ноги, а третий бил ногами. – Картинки мелькали у него в мозгу словно мухи, не желавшие покидать падаль.

Возможно, это дело рук ожидавших суда остальных участников группы «Смайл». Они были чертовски заинтересованы в том, чтобы Теодор отказался свидетельствовать против них, и, судя по тому, что Фабиан видел в записях, где они до смерти избивали бездомных, похоже на их почерк. Правда, именно по этой причине, их должны были содержать в разных отделениях.

– Еще кое-что. – Коса показал пальцем. – Видишь, коричневые пятна тут, сверху? Им около двух недель, желтым и зеленым здесь внизу – около недели.

– То есть это происходило больше одного раза?

Коса кивнул.

– Все иссиня-черное в разных местах появилось всего четыре-пять дней назад.

Другими словами, это были практически систематические

избиения. Все равно никто ничего не рассказал. Ни Коморовски, ни прокурор, ни надзиратели. Они что, не знали об этом или просто проворачивали большую операцию по сокрытию?

– Они что-нибудь говорили о том, как так получилось, что он смог повеситься? – продолжал Коса, перейдя к обследованию следов вокруг шеи Теодора.

– Да, по-видимому, он сумел открутить койку от стены и поставить ее на дыбы, так что смог обвязать веревку вокруг одной из верхних ножек.

– А сама веревка, что они о ней рассказали?

– Он порвал простыню на полоски и заплел их в косичку.

– Заплел? – Коса повернулся к Фабиану, который кивнул и пожал плечами. – Интересно, – пробормотал он и вернулся к осмотру, осторожно наклонив голову Теодора в сторону, чтобы детальнее изучить следы с помощью лупы. – Я бы удивился, если бы это оказались следы от косички из простыни. Все, что я могу сказать.

– Мне так сказали.

– Ясное дело. Чтобы быть абсолютно уверенным, мне нужно осмотреть эту косичку и проверить, соответствует ли она следам. Но на это лучше не надеяться.

– Это и правда видно через одну лупу?

– Поверь мне. Видно достаточно, а как раз о косичках я кое-что знаю. Допустим, все так и было. Что он порвал простыню на полоски и сплел их. Тогда он, вероятно, сплел ко-

сичку из трех полосок, которая никак бы не смогла удержать вес его тела. Это говорит о том, что он изготовил как минимум три такие косички, из которых, в свою очередь, сплел одну побольше, а она бы никогда не оставила подобный след. Как вариант, ему нужно было сплести девять полосок в одну косичку, которая в таком случае имела бы более гладкую поверхность. Но поскольку твой сын не был фанатом плетения, то такое видится мне совершенно неправдоподобным.

– Так что он использовал?

– Настоящую веревку или какой-то электрический провод. Что-то с достаточно гладкой поверхностью.

Обманули ли они его сознательно или просто сочинили какое-то более-менее вероятное объяснение, чтобы сказать хоть что-то и угодить ему? Он кричал и требовал от них ответов, так что, наверное, не так уж и странно, что в накаленной обстановке они сказали что-то совершенно не то.

Он повернулся к Косе, который стоял, наклонившись над головой Теодора, и отодвигал черные кудри в сторону, чтобы рассмотреть кожу головы. Эти непослушные кудри, которые всегда были отличительной чертой его сына, сколько бы Соня ни старалась пригладить их мокрой расческой, когда он был маленьким. Ничего не могло помешать им жить своей жизнью. Даже смерть.

Что-то отлетело и упало на белый кафельный пол. Что-то застрявшее в волосах у Теодора.

Он подошел и сел на корточки, чтобы ближе рассмотреть,

и увидел кусочек краски размером со старую монету в двадцать пять эре. Подняв его пинцетом и положив в прозрачный пакет для улик, он стал рассматривать его на свету от одной из ламп для осмотра.

Кусочек был довольно толстым, шире миллиметра, и темно-зеленым, что само по себе вызывало вопросы. Камеру Теодора он не видел, но ему было сложно представить, что потолок или стены могли быть такими темными. Но где-то существовало помещение именно такого цвета. Помещение, в котором по какой-то причине находился Теодор.

Жужжание машинки для стрижки заставило его обернуться к Косе, который занимался тем, что сбрасывал кудри Теодора, и те бесшумно падали на пол. Он хотел попросить его перестать. Закричать «хватит». Что больше не хочет ничего знать. Что пусть оставит хотя бы кудри.

Но большая их часть уже лежала на полу, будто темный пушистый ковер, и когда он поднял глаза, все встало на свои места. И кусочек темно-зеленой краски, застрявший у Теодора в волосах, и сине-желтые следы, которые, как странная болезнь кожи, покрывали большие участки свежевыбритой головы.

Царапая маленьким чемоданом по тротуару, Микаэль Реннинг спешил мимо пары проституток и группы бранящихся наркоманов рядом с приютом для бездомных «Мэн-ненс Йем» на улице Истедгаде. Он сделал еще пару шагов, чтобы с небольшим запасом не наступить прямо в блевотину.

Другими словами, обычная история для самой центральной части изнанки Копенгагена. Здесь он прожил больше десяти лет и давно сбился со счета, сколько раз его спрашивали, как за пределами своей квартиры он выносил всю эту нищету.

На самом деле, он это любил. Местные кварталы как раз служили противовесом новой застройке с гладкими, блестящими фасадами и добропорядочными гражданами, которые платили налоги и вовремя приходили на работу. Такой противовес был необходим, чтобы все остальное в Копенгагене работало. Без наполненной всяким мерзким, грязным и опасным изнанки нет и обложки.

Но сейчас ему некогда было о таком думать. Ему даже некогда было раздражаться на то, что ни «Самсонит», ни «Римова» или какой-нибудь другой производитель чемоданов в мире не смог создать чемодан, способный более-менее бесшумно перемещаться по красивым, но неровным тротуа-

рам.

Еще он нервничал. Стресс не отпускал его, с того момента как он помог Дуне Хугор установить прослушку на мобильный Кима Слейзнера. С тех пор прошел месяц, и атмосфера на работе изменилась. Как будто Слейзнер в глубине души подозревал его связь с Дуней. Будучи хорошо осведомленным об их знакомстве, он не упускал случая к месту и не к месту упомянуть ее имя, как будто хотел проверить его лояльность. Кроме того, в большей степени его беспокоило гнетущее чувство, что за ним постоянно наблюдают.

Он был убежден в том, что кто-то побывал у него в квартире. Ничего не пропало, и все вещи лежали почти как обычно. Почти. То же и с мобильным. Хотя он привык каждый день возвращать его к заводским настройкам, чтобы убедиться, что телефон не взломан, он слышал странные щелчки, которых раньше не было.

Как дела у Дуни, он не знал. Да его это и не волновало. Хотя нет, на самом деле волновало. В действительности он пытался заставить себя перестать беспокоиться. Обрезать связь и превратить ее в некое слабое размытое воспоминание, которое можно было бы вытащить только под гипнозом.

Правда давалось это тяжело. Несколько раз он пытался до нее дозвониться, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Однако она не ответила. Ни разу в жизни не удосужилась поднять трубку для простого приветствия. Кроме тех моментов, когда ей нужна его помощь.

А уж если он когда-либо и помогал кому-то, то именно ей. Он нарушил столько правил и взял на себя столько рисков, что ему становилось нехорошо. Но он считал ее другом, одним из самых близких, а для друзей он был готов на все.

Но это было давно, а сейчас пришло время расплачиваться.

Поэтому он решил прервать с ней все контакты. Неважно, что она много раз пыталась дозвониться до него вчера вечером. Он больше не хотел принимать в этом участие. Хватит с него ее самой и ее нездоровой ненависти к Слейзнеру. Теперь он собирался уехать как минимум на две недели к своему новому парню Бальтазару из Мальме. Мобильный, конечно, был при нем, но выключенный, и он не собирался его включать весь отпуск.

И все-таки он не мог избавиться от ощущения постоянного преследования. От чувства, что за ним следят. Следит кто-то, кто старается держаться на достаточном расстоянии, чтобы отвести от себя всякие подозрения.

Как минуту назад, когда он оглянулся через плечо в последний раз, перед тем как пересечь улицу Ревентслоусгаде и пойти дальше через боковой вход центрального вокзала, где из динамиков для отпугивания наркоманов играла оперная музыка.

На это раз ему не удалось хорошо разглядеть мужчину с закрывавшим большую часть лица капюшоном, прежде чем тот исчез из виду за стоявшей у входа тележкой с хотдогами.

Но он не сомневался, что это тот же самый коренастый мужчина, который стоял и ждал его на другой стороне улицы, когда он выходил из своих ворот.

Пройдя на нервах по залу отправления до большого информационного табло, он обнаружил, что поезд в Мальме через пролив Оресунд отходит уже через две минуты с пятого пути. Следующий отправлялся через целых двадцать шесть минут.

Он бросил взгляд через плечо, но не увидел ни мужчину в капюшоне, ни кого-либо еще подозрительного. Сейчас у него появился шанс. Именно сейчас он должен оторваться от того, кто его преследует, кто бы это ни был. Даже не пытаться купить билет в автомате, а просто успеть на тот поезд.

Правильное ли это решение, будет ясно позже. В любом случае, он побежал, на пределе своих возможностей, вперед к лестнице и вниз, навстречу поднимавшемуся потоку пассажиров, и дальше по перрону к поезду с закрывающимися дверями.

Хоть это было безрассудно и незаконно, он без колебаний протолкнул чемодан в двери, которые запищали, протестуя, когда он пролез через них и под раздраженными взглядами других пассажиров наконец сумел выдернуть чемодан, дав дверям закрыться.

Пусть смотрят, сколько влезет. Важно то, что он в поезде и что тот тронулся со станции. Если придет кондуктор и потребует у него билет, то будь что будет. Что такое штраф

по сравнению с тем, чтобы полчаса стоять на платформе и ждать, что тот коренастый тип снова его настигнет.

Он вытер пот со лба, приподнял чемодан и осторожно протиснулся вперед в узкий проход рядом с туалетом к сидячим местам, многие из которых пустовали.

За спиной у него послышался всасывающий гул туалетного слива, а затем звук открывающейся двери. Но только когда чья-то рука оказалась у него на плече, он среагировал.

Он успел лишь повернуться, как его схватила вторая рука, а затем его втокнули в тесное пространство туалета и прижали лицом к стене, в то время как дверь за ним закрыли и заперли. Затем руки ослабили хватку, и он сумел обернуться к коренастому мужчине. Который оказался совсем не мужчиной.

В первые мгновения следующей секунды он был так охвачен растерянностью, что ему пришлось найти что-то, за что можно ухватиться, чтобы не потерять равновесие. Только убедившись, что глаза его не обманывают, что дело обстоит именно так, хоть он и не мог в это поверить, только тогда он отпустил опору.

– Дуня? – выдавил он из себя еще через пару секунд. – Какого черта? Это что ты все время...

– Микаэль, – перебила она и прижала указательный палец к его губам. – Не сейчас. Время поджигает. – Она сняла капюшон, так что он увидел ее лицо и короткие серебристые волосы целиком. – Обещаю все объяснить, как только это за-

кончится. Но сейчас мне нужна твоя помощь. О'кей?

– Помощь? – Он рассмеялся. – Ну, теперь хотя бы все сходится. Опять. – Конечно, Дуня следила за ним. – Правда, у меня плохие новости. Больше я на это не ведусь. – Он покачал головой. – Так что будь так добра отойди в сторону и выпусти меня. Знаешь, вся эта тема с общественными туалетами – не мое.

Он попытался протиснуться рядом с ней, но попытка провалилась, когда Дуня схватила его еще раз и прижала к зеркалу над раковиной.

– Я здесь не в игры играю, – посмотрела она ему в глаза. – Все серьезно, Микаэль. Серьезно – мама не горюй.

Он встретился с ней взглядом и покачал головой.

– Ты в хорошей форме, наверняка это полезно для твоего здоровья и самочувствия. Но если ты сейчас не отпустишь мою выглаженную рубашку, я буду звать на помощь. Уверю тебя, кричать уж я умею.

Дуня заколебалась, но в конце концов отпустила его.

– Прости. Но нам нужно поговорить наедине, и я не придумала другого способа, раз ты не отвечаешь на звонки.

– Поговорить нужно *тебе*. Нам ничего не нужно.

– Микаэль, понимаю, что ты обижен. В последние месяцы друг из меня был никакой. Но как только все закончится, обещаю сделать все, чтобы...

– Дуня, я уже давно не обижаюсь, – перебил он. – Сейчас я просто боюсь. Что потеряю работу. Что ты играешь с огнем.

Боюсь того, чем это может закончиться. И тебе стоит бояться. Так что лучше бросай всю эту фигню и возвращайся к нормальной жизни.

– Какой жизни? Мне не к чему возвращаться. Пока Слейзнер на свободе. Либо он, либо я, ты что не понимаешь? Стоит ему меня найти, все точно будет кончено.

– Да, мы все знаем, что Слейзнер не святой. Дуня, но ты преувеличиваешь. Ты на нем зациклилась. Ты совершенно одержима.

Дуня покачала головой.

– Мне незачем преувеличивать. В этом и проблема. Лжец ли он? Да. Мерзкий, распускающий руки насильник? Угадай с трех раз. Эталонный психопат? Без сомнений. И это только начало. Если хочешь как следует его описать, нужно придумывать совершенно новые слова. Так что нет, я не могу просто сдаться и прикинуться, что все зашибись. На самом деле, на мне это все не кончится. Забудь. Этот человек будет продолжать и продолжать, пока кто-нибудь его не отправит на пожизненное. Даже не сомневайся.

– Так что у тебя есть? Что такое невероятно страшное я пропустил? И не надо про то, как он пытался тебя изнасиловать, выставил на улицу и делал все, чтобы помешать твоим расследованиям, потому что это мне...

– Микаэль, – перебила Дуня. – Речь тут идет в последнюю очередь про то, в чем он виновен в отношении меня. Мне, честно говоря, плевать. На что мне не плевать, так это на все

то, что нам еще неизвестно, и все то, что он пока не совершил, но совершит. Например, сейчас мне удалось узнать, что он готовит что-то масштабное, и вот тут ты мне и нужен.

– Готовит что-то масштабное? Ты что шутишь? Это все, что у тебя есть? За целый месяц доступа к его телефону.

– Конечно, мы нашли много всякого более конкретного, но...

– Дуня, – перебил он. – Давай хоть раз поговорим начистоту. Из того что я слышу – у тебя ни хрена нет. Даже теории, чем он таким настолько чудовищным занимается, что его нужно расстрелять на рассвете.

– О'кей, он и правда последнее время вел себя нетипично осторожно. Но сейчас он снова в деле: со вчерашнего утра все изменилось. Только послушай. – Она протянула свой мобильный и включила ряд отредактированных аудиофайлов.

– *Дело в том, что должны быть готовы все документы,* – произнес мужской голос. – *Ты ведь просишь не о маленькой бумажке.*

– *Само собой. Я только беспокоюсь, что...* – раздался голос Слейзнера. – *... значительно более серьезной проблемой, чем Клинге.*

– *Ким, мне все это уже поперек горла, и если хочешь знать мое мнение, ты одержим. Но дело твое. Завтра в полночь это будет обнародовано. Ни раньше, ни позже.*

Дуня остановила запись.

– Если ты еще не знаешь, то могу рассказать, что Могенс

Клингге – начальник оперативного управления полицейской разведки, одна из двух жертв, найденных в машине в гавани.

– О'кей, – кивнул он.

– И как мы поняли, это большая проблема для этих господ. Мы пока не знаем почему, и здесь я не поэтому.

– А и правда, почему же?

– Я здесь, чтобы узнать, что такое представляет *значительно более серьезную проблему, чем Клингге*, и вот тут на сцену выходишь ты и тот документ, который будет обнародован в полночь. Вероятно, он уже готов и висит где-то у вас в интранете и ожидает одобрения, прежде чем будет разослан.

Реннинг пожал плечами.

– Он может находиться где угодно и совершенно точно зашифрован.

– Шифрование – не проблема. С ним мы разберемся. Помощь нам нужна в том, чтобы преодолеть файервол, и мы сможем внедрить наших поисковых роботов, а когда они закончат работу, нам нужен инсайдер, который заметет следы.

Реннинг посмотрел на Дуню и легко прикоснулся к ее щеке.

– Мне кажется, ты не понимаешь, как ты мне дорога. Какой важной для меня была и остаешься. И какую боль я испытал, когда ты просто исчезла.

– Микаэль, я все это знаю, но сейчас...

– Нет, теперь моя очередь говорить, и я хочу, чтобы ты выслушала, потому что ты, похоже, так и не поняла, в чем

тут, черт побери, дело. – Он замолчал и помассировал виски, прежде чем продолжить. – Конечно, я хочу тебе помочь. Конечно, хочу сделать для тебя все, что угодно. Но тебе меньше всего сейчас нужна помощь в том, чтобы преодолеть файервол полицейского интранета.

– И это то, что ты мне хочешь сказать?

– Дуня. Все это, чем бы ты сейчас ни занималась, зашло слишком далеко.

– Спустя столько лет. После всего, что мы вместе пережили.

– Но, черт возьми, ты что не видишь, что ты делаешь? Что тебе нужно обратиться за помощью, пока не поздно.

– О'кей, я поняла. – Дуня обиженно кивнула. – Хорошо, теперь я знаю твою позицию и могу только пожелать тебе и твоему новому бойфренду в Мальме охренительно прекрасной совместной жизни. Что тут еще сказать?

– Да, видимо, нечего.

– Значит, тебе остается только уйти. Чего ты ждешь? Объятий? Или чего-то вроде «все нормально, я все понимаю давай поужинаем, когда все закончится»?

– Нет, я жду, что ты отдашь ключи от моей квартиры.

Дуня взглянула на его протянутую руку, а потом подняла взгляд и, глядя ему в глаза, достала из внутреннего кармана связку ключей и передала ему с намеком на улыбку. – И кто теперь будет поливать цветы, когда тебя нет дома?

Реннинг не ответил на улыбку, а только, покачав головой,

протиснулся мимо нее, отомкнул замок и открыл дверь. Но, выходя, остановился и снова к ней обернулся.

– Я правда надеюсь, что ты слушаешься моего совета и обратишься за помощью. Но... – Он замолчал, колеблясь, стоит ли продолжать. – Насколько я тебя знаю, завтра вечером ты предпочтешь подцепить какого-нибудь молоденького полицейского с рацией. Конечно, это суббота, а не вторник, но что поделаешь.

Ян Хеск не стал подъезжать к дому. Он решил припарковаться в квартале от него и заглушил двигатель в восточном конце улицы Уралвей на острове Амагер к югу от Копенгагена. Затем он остался сидеть за рулем, пытаясь унять дыхание до состояния, которое при некоторой доле фантазии можно назвать спокойным.

Но ничего не выходило. В крови циркулировало столько адреналина, что Хеск был совершенно не в себе – чувствовал восторг и тревогу одновременно.

Наконец он напал на чей-то след. Он. Не они. Не вся команда общими усилиями, а именно он. И именно это ему и нужно, чтобы показать не только Хейнесену и остальным, а прежде всего Слейзнеру, что он достоин повышения. Что все-таки на него можно положиться.

В то же время он никогда так не боялся, как тогда, когда, стараясь не дышать, сидел в том шкафу с выключенным мобильным в руке.

Он понятия не имел, кто те мужчины, которые зашли в дом к Клинге и стали его обыскивать. Он предполагал некий вариант наемной службы безопасности. Однако без сомнения это те самые двое, которые меняли лампы в разгар вскрытия в отделе судмедэкспертизы.

В обоих случаях они общались между собой на англий-

ском. Один с выраженным восточно-европейским акцентом, а второй, очевидно более высокого статуса, разговаривал на свободном датском. Но он по-прежнему не знал, кто им платит.

Без сомнений, спрятаться было верным решением. Всего через минуту после того как он отключил мобильный, одному из мужчин позвонили, и затем они внезапно исчезли так же стремительно, как появились.

Однако дальше скрываться не получится. Вероятно, они уже выяснили, что он отвечает за расследование, и если судить по их методам, то визит к нему – только вопрос времени.

В качестве решения нужно использовать совершенно противоположную стратегию той, которой он следовал до настоящего момента, держа максимально возможное количество информации о деле за закрытыми дверями. С сегодняшнего дня они начнут выходить на публику и сообщать детали. На самом деле, ему этого совсем не хотелось, но чем больше людей будут знать, к чему они пришли и как продвигается расследование, тем более неинтересной и непримечательной будет им казаться его фигура.

Первым делом он проведет пресс-конференцию. Уже завтра в первой половине дня позовет все новостные газеты, радио и телеканалы и сообщит им большую часть того, что ему известно.

Уже по дороге домой он закинул эту идею Хейнесену, и

тот ожидаемо стал настаивать, чтобы они проинформировали Слейзнера, который прямым текстом просил сообщать ему о текущей ситуации. Игнорирование этого, по словам Хейнесена, могло быть расценено как прямое неповиновение.

В его словах была доля здравого смысла, но Хеск стоял на своем. Проинформировать Слейзнера означало отдать ему инициативу в проведении пресс-конференции. Хейнесен, конечно, ничего против не имел. В любом случае, он никогда не имел амбиций стать начальником и, казалось, хорошо себя чувствовал, находясь в тени.

Но Хеска такой вариант не устраивал. Стоит ему попасть в тень Слейзнера, как он навсегда застрянет в роли жалкого мелкого начальника без права на самостоятельные мысли. То, что вдобавок они перестанут понимать, что кому известно, – еще один аргумент против привлечения Слейзнера.

Он достал старый «Эрикссон» и взвесил в руке. Без сомнений, двое мужчин охотились именно за ним. Они имели доступ к достаточно сложному оборудованию, чтобы определить местоположение с точностью до комнаты, и меньше чем через полторы минуты после того, как он выключил телефон, они поняли, что контакт с ним потерян.

В соседней комнате возникла явная растерянность. Вначале они предполагали, что их подвело собственное оборудование, и датскоговорящий не сдерживал себя в критике. Затем они склонялись к теории, что в мобильном сел аккумуля-

мулятор, после чего на протяжении получаса переворачивали кабинет вверх дном, пока внезапно не ответили на звонок и не покинули дом.

Сам Хеск оставался в шкафу еще полчаса, прежде чем решился открыть дверь и выйти наружу. Ни внутри, ни снаружи дома никого не оказалось. Даже улица перед домом была пустынна. Никаких играющих детей и празднующих день рождения взрослых.

Затем он поспешил к своему автомобилю, поехал на юг в сторону Амагера и припарковался в квартале от дома, и вот здесь он сидел уже двадцать минут, пытаясь убедить себя в том, что идти домой неопасно.

Он все равно переждал еще пять минут, прежде чем наконец покинул автомобиль, закрыл его и пошел на юг по улице Суматравей до Япанвей, где, выглянув через плечо, вошел на участок, пройдя мимо разбросанных по газону детских игрушек.

Входная дверь, как всегда, была не заперта, но к его облегчению, ни Лоне, ни детей в прихожей не оказалось. Не то чтобы он не хотел их видеть. Наоборот. Просто не прямо сейчас. Лоне по его лицу тут же заметила бы, что что-то не так, и забеспокоилась бы. Поэтому он закрыл и как можно тише запер дверь и спустился в подвальный этаж.

В ванной он снял с себя все еще влажную от пота одежду. Понюхал ее и как будто ощутил запах собственного страха, что заставило его засунуть все в черный мусорный мешок.

В душе он впервые за день почувствовал, как по телу разливается спокойствие. В каплях, падавших ему на голову, и стекавших по телу струйках воды было что-то особенное. Вода смыла с него не только пот, но и частично забрала с собой тревогу, и когда он вытерся, почистил зубы и переоделся в мягкую домашнюю одежду, то был готов подняться наверх и встретиться с семьей.

В этот момент он впервые задумался о том, что их не слышал. Обычно они шумели, как целый детский сад, а с того момента, как он пришел домой, не издали ни звука. Этому могло быть много объяснений, но гонимый беспокойством из-за того, что те двое могли его опередить, он поспешил подняться по подвальной лестнице и оказаться около закрытой двери на кухню.

Только приметив их на кухне, он понял, что эта картина навсегда останется с ним. Словно фотография в альбоме, которую не получилось сжечь, она будет первой являться ему после пробуждения до конца жизни. Вот они, все трое, как кажется, в полной гармонии.

Катрин спокойно играла на полу с Беньямином. Одно то, что они находились в одном помещении и не выцарапывали друг другу глаза, было из ряда вон выходящим. Лоне же стояла к ним спиной и мыла посуду.

Другими словами, все было так, как должно быть, и он смог выдохнуть, зайти на кухню и со спины обнять Лоне.

– Привет, любимая, – сказал он, слегка поцеловав ее в

мочку уха.

– Да ты что делаешь? – спросила она, высвободившись из его объятий.

– Что такое, разве нельзя немного пообниматься, придя домой после тяжелого рабочего дня?

– Может, сегодня не самый подходящий момент. – Лоне сняла перчатки и отошла, чтобы повесить передник. – Я не знала, когда ты будешь дома, так что мы все уже поели, к сожалению, тебе ничего не осталось.

Точно, конечно, она обиделась.

– Хорошо, ничего страшного, – сказал он. Он совсем об этом забыл. – Не беспокойся. Я что-нибудь закажу. –казалось, что с утра, когда им пришлось прервать поездку в отпуск в Леголенд, прошла целая жизнь.

– Есть бутерброды и нарезка. Я пойду на вечернюю прогулку.

– Конечно, иди. Без проблем.

– И еще, – сказала она, направляясь в прихожую. – Я, пожалуй, сделаю большой круг, так что хорошо бы, чтобы ты уложил Беньямина.

– Конечно! Не волнуйся. – Он подошел к Беньямину и взял его на руки. – Что скажешь, малыш? Все будет отлично.

– Не папа, – Беньямин покачал головой.

– Ну, папа обещает, что будет здорово.

– Не папа! – повторил Беньямин и ударил его по лицу. – Не папа! Не хочу!

– Отлично, – вздохнув, поднялась с пола Катрин, – Только я его успокоила!

Сорок пять минут спустя Бенъямин уснул, после чего Хеск закрылся в спальне и, взяв «Эрикссон», сел за письменный стол.

Больше всего ему хотелось включить его и прочитать последнюю переписку Могенса Клинге с единственным контактом. Но он боялся. Слишком высок риск, что если он подключится к ближайшим мобильным вышкам, то через секунду в виде красной мигающей точки появится на экранах у тех двоих.

Невозможно предсказать, когда они нагрянули бы к нему домой. Через несколько часов, через сутки или четверть часа? Роли это не играло – они бы точно пришли.

Вместо этого он открутил заднюю крышку, открыл отсек с аккумулятором и вытащил его, потянув за торчащий резиновый язычок. Он как вчера помнил разные нюансы и без проблем смог выдвинуть маленький металлический держатель, раскрыть его и вытащить сим-карту.

Вернув аккумулятор на место, он нажал и удерживал красную кнопку, пока не включилась фоновая подсветка экрана. Раньше он никогда не задумывался о том, как долго нужно ждать, пока телефон заработает. Сейчас казалось, что прошла вечность, прежде чем на экране высветилось сообщение.

NO SIM

Он попытался пропустить сообщение, но на какие бы кнопки ни нажимал, ничего не помогало. Без активной сим-карты телефон отказывался работать. Он еще раз вынул аккумулятор, чтобы добраться до держателя сим-карты. На этот раз он вставил сим-карту из своего телефона.

Загорелась подсветка экрана и сразу после телефон подключился к мобильным вышкам и был готов к использованию. Для начала Хеск зашел в список контактов, и вскоре убедился в том, что там записан только один-единственный номер. Та же картина предстала перед ним, когда он зашел в звонки и сообщения. Там не было ничего, как будто кто-то зашел в телефон и удалил всю информацию.

Дома у Клинге он увидел там кучу СМС, перед тем как ему пришлось спрятаться, а сейчас они все вдруг исчезли. Что-то не сходилось, и если он сам случайно их не удалил, информация должна была где-то остаться.

Вопрос – где.

Ответ нашелся, когда он закрыл глаза и перенесся назад в то время, когда сам владел старым «Эрикссоном», и он оказался простым, но при этом неутешительным. Точно как у всех других мобильных того времени, когда размер памяти телефона определял стоимость, можно было выбирать, сохранять информацию на телефоне или на сим-карте. Конечно, вся информация осталась на ней.

Он в третий раз вытащил аккумулятор, а затем вытащил свою сим-карту и вернул на место сим-карту Клинге. Но

прежде чем поставить батарею на место, он с помощью отвертки открутил два винтика, крепящие похожую на акулий плавник антенну, и затем отсоединил ее.

Однако он точно не знал, поможет ли это. Не было никакой информации о том, что мобильный не попытается подключиться к ближайшей вышке без плавника. Возможно, он представлял собой всего лишь усилитель, улучшавший соединение.

На самом деле, прежде чем включать телефон, ему следовало бы сесть в машину и отъехать на приличное расстояние. Но Лоне пока не вернулась, а он не мог просто оставить детей дома одних. В качестве альтернативы мог служить дальний угол подвала, рядом с зимними шинами – он знал, что сигнал там очень слабый.

Когда экран в очередной раз загорелся, Хеск был наготове и не спускал глаз с мигающего символа сети, держа большой палец над красной кнопкой, чтобы быстро выключить телефон, если тот начнет подсоединяться к мобильной сети. Когда наконец на экране появилось сообщение «Нет сети», он выдохнул и начал изучать меню.

Как и раньше, первое сообщение от Контакт1 содержало текст «Тест». Его отправили 16 апреля этого года в 11:23. Клинге мгновенно ответил лаконичным «ОК». Почти шесть часов спустя тот же Контакт1 отправил друг за другом пять отдельных сообщений.

Правило 1: Мы связываемся с вами. Никогда наоборот.

Правило 2: Вся коммуникация происходит по СМС.

Правило 3: Решения президиума не подлежат обжалованию.

Правило 4: В случае отказа любой контакт прерывается, мобильный уничтожается.

Правило 5: Назначенная дата/время не подлежит обсуждению/изменению.

Решение президиума. Ничего непонятно.

Через шесть дней, 22 апреля, от Контакт1 пришло следующее сообщение.

Думал, что я достаточно ясно выразился. Никаких звонков. Нарушение правил 1 и 2.

Клинге ответил буквально через несколько минут.

Извините. Просто очень интересно узнать, как идет дело.

Чтобы это больше не повторялось. Вернусь, когда будет о чем сообщить.

После от Контакт1 ничего не было слышно почти три месяца до следующей группы сообщений, присланных 4 июля между 03:46 и 04:02.

Президиум принял решение. Вас избрали. Мои поздравления.

Что это за собрание, которое заседало в четыре часа утра, и куда избрали Клинге? От всего разило какой-то сектой или

тайным орденом. Может, секс-клубом. В Копенгагене полно подобных клубов, на любой вкус и для любой ориентации. Ясно одно. Более-менее известный человек предпочитал наиболее закрытые сообщества.

Церемония посвящения состоится 28 июля в 20:00 – глаголю следующее сообщение.

Это было в прошлую субботу, шесть дней назад. То есть тогда что-то пошло катастрофически не так и закончилось двумя мертвыми телами в автомобиле под водой.

Дресскод: смокинг, белая рубашка и бабочка.

Все сходится. Но его не покидало чувство, что он, вероятно, не зацепил даже вершину айсберга.

Вас заберут в 19:30 на 55.692378, 12.586963.

Единственное, в чем он практически был уверен, – за Контакт¹ скрывался человек или люди, которых они ищут.

Правила на церемонии: никаких правил.

Он зашел в контакты и щелкнул на Контакт¹, чтобы выйти на номер телефона. Затем подбежал к рабочему месту и, покопавшись в ящике с инструментами, достал ручку и начал записывать: 26 58...

Больше он записать не успел – мобильный погас.

Сумерки уже почти уступили место ночи, когда Фабиан заплатил водителю такси, открыл дверь пассажирского сиденья и вышел на улице Польшегатан. Вдобавок начался дождь, но он представлял собой лишь отдельные неприкаянные капли. Такси развернулось и уехало обратно в сторону центра. Он же остался стоять, глядя на их дом.

В детстве он всегда мечтал пожить именно в таких таун-хаусах из красного кирпича. На сегодняшний день они жили здесь чуть больше двух лет, но ощущалось как будто все двадцать. Двадцать кошмарных лет, когда не сложилось ничего из того, на что он надеялся, когда они переезжали из Стокгольма.

Он тогда надеялся залечить раны и укрепить семью. Теперь он стоял здесь, более одинокий и оторванный от всех, чем когда-либо. В окне гостиной угадывался профиль Сони. Она шла из кухни, неся что-то перед собой в обеих руках, вероятно, поднос с чайником, медом и чашками, а затем исчезла из виду, сев на диван.

Но когда загорелись три греющие свечи, она вернулась в виде трех прыгающих на потолке теней. От нее и сидящей рядом Матильды. На самом деле, тени были слишком блеклыми и размытыми, чтобы что-то различить. Однако он четко видел, как Соня разливает чай, сначала в большую сире-

невую кружку без ручки, а затем в кружку с мумитроллями Матильды, и как потом поднимает двумя руками свою кружку и подносит к губам.

Ему нужно просто пересечь улицу, подняться по лестнице и войти в дом. Домой к семье, сесть на диван и составить им компанию. Больше от него ничего не требовалось. Они хотели только этого, и он сам именно этого хотел.

Но он стоял будто приклеенный к асфальту, глядя на тени на потолке и надеясь, что заблудшие капли превратятся в настоящий дождь. В ливень, который превратил бы водоемы в фонтаны и смысл бы все на своем пути. Который очистил бы все и превратился бы в град. В большие увесистые градины, которые избили бы его до синяков, искалечили и заставили что-то почувствовать. Боль. Горе. Что угодно, но хотя бы что-то.

Но капли ни во что не превратились. Они испарялись, как только приземлялись на теплый асфальт, и в конце концов он поймал себя на том, что переходит дорогу, поворачивает ключ в замке и открывает дверь.

Из квартиры доносилась спокойная музыка со звуками пианино, скрипки и трубы с сурдиной. Это была последняя композиция из «Closing time» Тома Уэйтса⁶, самого любимого Сониного альбома, и когда заиграла «Ol' 55» с той же пластинки, он понял, что она весь вечер играет на повторе.

⁶ Американский певец и автор песен, родился в 1949 г. Работает в жанрах экспериментального рока, блюза и джаза.

Он снял обувь, повесил пиджак на свободную вешалку и прошел в гостиную, где остановился, скользя взглядом по Соне и Матильде, которые сидели точно так, как он себе представлял: близко друг к другу, среди подушек, попивая горячий чай.

– Привет, – сказал он, подняв руку.

– Привет, – ответила Соня и от незаданного вопроса, где он был, между ними выросла невидимая стена.

– Пойду ложиться, – сказала Матильда и после долгих объятий с Соней встала с дивана и пошла ему навстречу.

– Спокойной ночи, – произнес он, намереваясь ее обнять, но это так и осталось намерением, потому что она просто прошла мимо, не сказав ни слова и не взглянув на него. Просто мимо.

Он смотрел ей вслед, когда она поднялась по лестнице на второй этаж. Конечно, она на него злилась.

– Слушай, думаю, я тоже пойду, лягу, – сказал он через некоторое время и собрался повернуться.

– Никуда ты не пойдешь. – Соня долила себе чай в чашку. – Иди сюда и сядь. Хочешь, есть чай.

– Любимая, – произнес он, протяжно выдыхая. – Я совсем замучен и...

– Сядь, – прошипела она, стараясь скрыть, как сильно на самом деле злится. – Думаешь, ты один устал? Что на первом месте только ты и твои потребности? Нам нужно поговорить, тебе и мне, прямо сейчас.

Он кивнул и сел в кресло. Она права. Конечно, им надо поговорить. Вероятно, им понадобилось бы разговаривать много часов, чтобы друг друга услышать. Но этот разговор не приведет к взаимопониманию. Он почувствовал это сразу, как увидел играющие на потолке тени.

– Я понятия не имею, что ты делал и где был целый день, – начала она, стараясь не расплакаться. – Но одно я знаю – твое поведение сегодня, когда мы должны были увидеть Теодора, это что-то...

– Любимая, – перебил он. – Я могу объяснить. Как я и подозревал, там что-то не...

– Нет, слышать не хочу... – она протянула вперед руку, закрываясь от него. – Мне совершенно неинтересны твои подозрения и объяснения.

– Соня, послушай. Речь идет о нашем...

– Нет, сейчас твоя очередь слушать и дать мне сказать.

Он не прореагировал ни словом, ни кивком.

– Наш сын покончил с собой, – продолжила она. – Никому такого не пожелаешь. Это противоестественно и невыносимо просто принять, как часть жизни. Нет никаких инструментов, методов, чтобы пойти дальше. К тому же, прошло всего несколько дней, так что мы все по-прежнему в шоке и, наверняка, реагируем совершенно по-разному. Но взрослые тут мы с тобой. Как бы мы ни реагировали. Что бы ни происходило, это мы отвечаем за то, чтобы мы все это пережили, и в таком случае мы не можем позволить себе сцены, как се-

годня утром. Понимаешь? Так нельзя. Мы должны держаться вместе и поддерживать друг друга. Только так мы можем со всем этим справиться. Все остальное может подождать. — Она искала подтверждение в его взгляде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.